

Когнитивные модели славянского языкового сознания

К вопросу о сопоставительной динамической типологии пословиц (на материале русских и английских пословиц о правде и лжи)

О. Б. Абакумова

Орловский государственный университет (Орел, Россия)

Пословица, когнитивно-дискурсивная модель, референциональный компонент, динамическая типология

Summary. The paper focuses on referential component of cognition-discourse model of proverb's sense actualization in discourse and dynamic typology of English and Russian proverbs of truth and lie.

В данном докладе рассматриваются экстралингвистические (прагматически-ориентированные) гипотезы объяснения языковых фактов, связанных с синтаксической структурой пословиц, репрезентирующих пословичные концепты «Правда» и «Truth» в русском и английском паремическом микро-дискурсе. В основе динамической типологии должна лежать динамическая модель, описывающая язык как механизм, участвующий в преобразовании речемыслительной задачи в текст [Кибрик 2005]. Значения пословиц представляют собой типовые блок-схемы, гештальты. Использование пословиц в речи является реализацией принципа экономии языковых средств, так как она в краткой форме отражает и оценивает ситуацию действительности, подводя ее под класс типовых ситуаций. План выражения пословицы как сложного языкового знака с текстовыми / прагматическими функциями, имеющего свою типовую логическую специфику, которая универсальна, все же строится по законам синтаксиса конкретного языка. Предложенная нами когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе (см. работы [Абакумова 2011а], [Абакумова 2011б]) получает в этой статье применение для выявления референциальной специфики пословиц в сопоставляемых языках.

Анализ употребления пословиц в разных дискурсах позволяет предположить существование следующих закономерностей в реализации модели, которая может развиваться как минимум по трем схемам. Если говорящий настроен на достижение взаимопонимания (собственно коммуникативная стратегия), он, как правило, оценивает коммуникативную ситуацию оптимистически, соблюдает условие искренности, выбирает пословицы из категории «квалитатив силы, могущества, ценности, справедливости, открытости, противопоставленности лжи» с приоритетом в сторону правды; в своих рекомендациях опирается на этические нормы социального поведения. Если говорящий настроен на успех и выбирает социально-ориентированную инструментальную стратегию, он в большинстве случаев оценивает ситуацию отрицательно, условие искренности не всегда соблюдается, выбирается пословица из категорий как уже перечисленных, так и «квалитативы источников правды», «прескриптив нравственного поведения», «квалитатив отсутствия справедливости», «отрицательный локатив», а так же «квалитатив опасности и нежелательности»; рекомендации даются из области этических норм, но говорящий преследует свои интересы. В случае использования асоциальной инструментальной стратегии говорящий может оценивать ситуацию как положительно, так и отрицательно, условие искренности не соблюдается, выбираются пословицы всех возможных смыслов; рекомендации опираются на сугубо утилитарные социальные нормы.

Анализ английских пословиц в неактуализованном режиме показал, что 58% пословичных предложений включают компонент *truth* в позиции Актора, то есть он является активным участником, контролирующим ситуацию, а не подчиняющимся какому-либо влиянию.

Компонент «правда» ведет себя иначе в текстах русских пословиц. Он занимает позицию Актора только в 20% типовых ситуаций, представленных пословицами. В остальных случаях компонент «правда» выступает в макророли Претерпевающего, то есть участника ситуации, подчиняющегося влиянию других партиципантов или обстоятельствам.

В данной работе мы используем модель для построения сопоставительной типологии пословиц, опираясь на референциальную типологию русских паремий, предложенную О. Е. Фроловой [Фролова 2007], которая группирует русские пословицы по признаку занятости / незанятости позиций аргументов в пословичных предложениях-высказываниях. Наш анализ 687 **русских пословиц** о правде и лжи показал следующее.

Пословицы с занятыми актантными позициями (21%): *Кудакнула одна курица, а узнала вся улица. Правда что масло, всегда наверху. Бьль что трава, а небьль что вода. Вакул всех надул. Люди ложь, и я тож. Мошенники повздорили, а правда — наружу. Молодое сердце всегда ближе к правде.*

Пословицы с незанятыми актантными позициями (47%): 1. *Без правды века не изживёшь.* 2. *Сам заварил кашу — сам и расхлёбывай.* 3. *Обманом города берут.* 4. *Не пойман — не вор.* 5. *Врёт и глазом не моргнёт.* 6. *Правду говорит — никому не угодить.* 7. *Много слышится, да мало верится.* 8. *За ухо да на солнышко.* 9. *Что посеешь, то и пожнешь.* Пословицы 3-й группы для заполнения актантных позиций предиката обращаются к дейктическим и пропозитивным средствам (32%). Именная группа референциально не прояснена. Актанты могут быть замещены кванторными местоимениями: *Всяк правду знает, да не всяк её бает.* Пословицы с актантами, выраженными абстрактными именами, где ИГ лишь называет ситуацию, не выделяя в ней участников: *Правда со дна моря выносит. Ложь не живуча. Где-нибудь да сыщется правда.*

Английские пословицы той же тематической отнесенности демонстрируют ограниченное количество используемых моделей. Первая категория представлена только пятью английскими пословицами из 89 (6%). *Dying men speak true; A good heart cannot lie.* Второй категории, где позиции актантов не заняты, принадлежат 9% английских пословиц: *All truths are not to be told. Better speak truth rudely than lie covertly. Tell a lie and find a truth.* Все остальные английские пословицы принадлежат третьей категории (85%), где при переносном значении предиката именная группа с абстрактным именем понимается как троп (аллегория): *Truth likes to go naked. Truth may walk through the world unarmed.*

Мы рассмотрели только одну тематическую группу пословиц с позиций выражения в них референциальных отношений. Конечно, этого недостаточно, чтобы сделать выводы о типологических особенностях сопоставляемых пословичных систем в целом, но определенные закономерности уже прослеживаются: английские пословицы в подавляющем большинстве принадлежат третьей категории, то есть имеют

тенденцию отражать ситуацию в целом, а русские пословицы чаще имеют в фокусе человека, указывая на недостаток морального качества.

Литература

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 2005.

Абакумова О. Б. Пословица в художественном тексте и когнитивно-дискурсивная модель её актуализации // Ученые записки ОГУ, Орёл, 2011. № 1 (39). С. 122–129 (а).

Абакумова О. Б. Модель актуализации пословицы в дискурсе // Фразеология и языковая динамика. Greifswald; Санкт-Петербург, 2011. С. 253–257 (б).

Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом. М., 2007.

Синестетическая метафора в детском дискурсе: структура и семантика

Н. А. Архипова

МОУ лицей № 103 имени Сергея Козлова (Ростов-на-Дону, Россия)

Дискурс, синестетическая метафора, восприятие, полимодальный образ, значение

Summary. The report examines the structure and semantics of synesthetic metaphors, considered as a complex polymodal image formed in the perception of human relations on the basis of intersensual relations and supporting the emotional and evaluative information.

Как известно, среди тропов метафора занимает центральное место, широко используется в языке художественной литературы, так как позволяет создать ёмкий образ, основанный на ярких, неожиданных ассоциациях. В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объёма, назначения, положения и т. д. При этом менее изученной остается синестетическая метафора, ее структура и семантика, особенности функционирования в разных типах дискурса.

Термин «синестезия» происходит от греческого слова *συναίσθησις*, которое обозначает 'соощущение'. Как показывают нейролингвистические исследования, синестезия обусловлена возникновением ощущений одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности [Лурия 1971]. Таким образом, благодаря механизму синестезии в восприятии человека формируется полимодальный образ, основанный на межчувственных пересечениях и воздействующий на эмоции.

В синестетических метафорах реализуется перенос одного ощущения на другое, в чем-либо сходное с первым, например, *светлые звуки, кричащие краски* и т. п. В этом случае слово, связанное с одним ощущением, переходит в сферу обозначения другого ощущения. При этом направление переноса может быть различным, но чаще всего он осуществляется в направлении от осязательных и вкусовых ощущений к другим, например: *мягкий свет, ледяной тон, острый слух, сладкий голос, кислая улыбка*. Как видим, по своей структуре синестетические метафоры представляют собой сочетание двух или более слов, одно из которых имеет семантику чувственного восприятия и соединяется с необычным для себя (с точки зрения логических связей) словом, которое также имеет семантику чувственного восприятия. Тем самым, реализуется особый тип производно-номинативного образного значения.

Переходя в сферу обозначения другого ощущения, слово меняет свою семантику: оно может приобретать эмоционально-оценочную окраску, выражать интенсивность ощущения. Но чаще всего синестетические метафоры имеют эмоционально-оценочный характер, так как служат средством передачи впечатления от воспринимаемого объекта (ср.: *светлые звуки* — 'звуки, приятные для слуха') [Галеев 1995]. В приведенном примере метафора возникает за счет пересечения зрительных и слуховых ощущений. Синестетические метафоры типа *теплый тон, высокий звук*, построенные на взаимодействии осязательных и слуховых, зрительных и слуховых ощущений, основаны на общеязыковых ассоциациях. Однако среди синестетических метафор есть такие, которые возникли на основе речевых ассоциаций: *оклик запаха и цвета* (Ахмадулина), *шумели тонким серебром* (Паустовский). В последнем примере наблюдается создание полимодального образа на базе соединения трех ощущений: слухового, осязательного и зрительного. Данные метафоры можно отнести к разряду образных. Апельлируя к интуиции, метафоры этого типа служат источником образности и всегда оставляют адресату возможность творческой интерпретации [Степанян 1987].

Как видим, синестетические метафоры могут формироваться на основе разнообразных ощущений: зрительных,

слуховых, вкусовых, обонятельных и осязательных. В различных типах дискурса в качестве доминирующих могут выступать синестетические метафоры разного вида. Анализ языка детской литературы показывает, что с целью передачи различного рода соощущений в ней также наблюдается использование метафор, основанных на механизме синестезии. При этом чаще взаимодействуют вкусовые и слуховые ощущения, например: *сладку речь-то говорит; ...и славит сладостный певец Людмилу-прелесть и Руслана* (Пушкин), которые служат для передачи эмоционально-оценочного значения.

Синестетическая метафора встречается и в детском дискурсе: *Бабушка сладенько улыбнулась моей пятерке по контрольной; Они услышали аромат весны; Он услышал запах её духов* (из разг.). В этом случае для передачи соощущений, помимо слуховой и вкусовой, в речи детей активно используются зрительная и обонятельная модальности. При этом пересечение слуховой и обонятельной модальностей в детском дискурсе, возможно, говорит о несформированности значений некоторых языковых единиц в языковом сознании ребенка, или о неформальности ведущей репрезентативной системы. Ведь, как известно, синестетическая метафора, подобно метафорам другого рода, является одновременно и языковым, и когнитивным механизмом, способствующим становлению и эффективному функционированию речемыслительной деятельности ребенка. В целом детская метафора конкретна, потому что в этот период развития речемыслительной деятельности слово является только заместителем предмета. Ребенок опирается на формирующуюся систему связей объекта, поэтому семантические признаки, которые дошкольник актуализирует, являются чувственно воспринимаемыми. Исходя из этого, исследователи отмечают тот факт, что формирование детской метафоры связано с формированием значения, то есть ребенок переходит от представлений, которые «образуются независимо от нашей воли, «естественным путем», к значению, которое устанавливается человеком» [Шабалина 2007]. Всё это действительно и для синестетической метафоры. Так, осваивая окружающий мир, дети, пользуются метафорами для систематизации представлений об окружающем мире, формирования и развития своего когнитивного, вербального и социо-культурного опыта.

Подводя итоги, заметим, что исследование синестетической метафоры и её специфики позволяет понять механизм развития и функционирования речемыслительной деятельности. При этом синестетическая метафора требует комплексного изучения, так как, с одной стороны, синестезия как психическое явление существует в восприятии человека, его мышлении, а, с другой — как языковая категория отражается в его дискурсивной практике.

Литература

Галеев Б. М. Синестезия в языке и в искусстве слова. Казань, 1995.

Лурия А. Р. Психология ощущения и восприятия. М., 1971.

Степанян Т. Р. Синестетические метафоры русского языка (прилагательные чувственного восприятия). М., 1987.

Шабалина О. В. Структура и функционирование метафоры в детской речи. Пермь, 2007.

Терминологическая деривация: когнитивный аспект

Т. Г. Борисова

Ставропольский государственный педагогический институт (Ставрополь, Россия)

Терминологическая деривация, когнитивно-деривационные механизмы, имя собственное

Summary. The paper explores cognitive aspect of term derivation. The productive means of term derivation from proper names acts as special derivative mechanism, which represents a synthesis of conceptual and personal nominational aspects.

Современный этап развития филологической парадигмы характеризуется интегративным исследованием таких приоритетных лингвистических проблем, как роль и статус категориальных единиц в процессах организации и функционирования языка; категоризация и концептуализация окружающего мира; использование языка как фактора и способа отражения мира; выявление и описание множества фрагментов и типов различных видов знания, репрезентированных языковыми знаками, и многих других. Новые направления развития лингвистики отражают ее активное взаимодействие с психологией, психолингвистикой, когнитивистикой, прагмалингвистикой, логикой, философией, лингвокультурологией.

Деривационные процессы имеют исключительную важность для формирования языковой картины мира, т. к. продуцирование дериватов прежде всего обуславливает закрепление человеческого опыта, что приводит к отражению когнитивных итогов осмысления мира в единицах дериватологии.

Терминодеривация всегда базируется на деривационной системе национального языка. Но, приняв за основу существующие в литературном языке способы и модели словопроизводства, язык науки вырабатывает свою деривационную подсистему и подчиняет ее своим требованиям и функциям. Под терминодеривацией как глобальным процессом языкового развития понимается создание терминов той или иной когнитивной области, рассматриваемое как процесс вторичной номинации в системе терминологии, осуществляемый на основе совокупности механизмов и способов структурирования, производства, возникновения терминологических знаков.

В процессах терминодеривации в качестве мотивирующих основ / баз широко используются имена собственные (антропонимы, топонимы, космонимы, мифонимы), что является показателем именно терминообразования, а для общелитературного языка подобный способ словообразования непродуктивен. Регулярность и продуктивность этого терминодеривационного способа обуславливается тем, что имя собственное постоянно функционирует в качестве мотивирующей базы / основы терминодеривата. Особенность семантики имени собственного дает возможность порождать моносемантические дериваты и включать их в систему данной логико-понятийной сферы.

Активное использование имени собственного в качестве мотивирующей основы / базы в терминопроизводстве свидетельствует о тесной связи процессов терминодеривации с национальным менталитетом, научными достижениями, культурно-историческим наследием, мифолого-религиозным сознанием человека. Это подтверждает и тот факт, что традиция образования терминодериватов на базе онимов существует много веков.

Продуктивный способ образования терминодеривата на базе имени собственного выступает особым когнитивным механизмом деривации терминов, что отражает синтез двух номинационных аспектов — понятийного и индивидуального. Такие номинации содержат значительный объем исторической, социо- и этнокультурной информации, обладают

особой национально-культурной коннотацией и деривационными ресурсами, реализуя принципы преемственности и развития в процессах категоризации и вербализации окружающего мира.

Одним из когнитивных механизмов деривации терминов выступает их специфический коннотативный фон. В подавляющем большинстве случаев термины характеризуются обязательным наличием дефиниции. У терминов, мотивированных именами собственными, дефиниция отличается от типовой дефиниции наличием указателя на мотивирующую основу, которая имеет национально-культурные коннотации. Терминодериваты, мотивированные именами собственными, содержат специфические коннотативные оттенки значения, которые составляют когнитивную суть термина и обуславливают всю его семантику.

В дериватах, мотивированных именами собственными, присутствует определенная понятийно-концептуальная двойственность, не присущая терминам никаких иных групп. С одной стороны, мотивирующая основа указывает на способ связи с предметом, а с другой — мотивированный термин является номинантом узкоспециального понятия, входящего в определенную когнитивно-концептуальную систему.

Когнитивная функция языка тесно связана с его креативными, номинативными и деривационными аспектами. Но существует специфическая дифференциация структурно-семантических и функциональных параметров, деривационных механизмов порождения терминов, определяемая своеобразием каждой из существующих терминосистем.

Процессы терминодеривации осуществляются за счет определенных формантов, которые играют особую роль в системе терминообразования, выражают формально-семантическое отношение деривата к своему производящему и являются единицами когнитивного кода. Узкоспециальные форманты кодируют особую информацию на уровне деривата, поэтому возможна понятийная расшифровка термина по формантной части, которая, как правило, является постоянной и стабильной для закрепленного за ней категориально-семантического субстрата. Таким образом, в терминодеривате формант выступает средством вербально-когнитивной идентификации.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что на современном этапе развития научной филологической парадигмы знания о термине позволяют репрезентировать его как специфическую лингвокогнитивную единицу, как объект и результат терминологической деривации. Выработанные человеком знания формируют концепцию информационно-научной картины мира и обобщенно представляют системно организованную совокупность понятий и отношений между ними. Если концепция научной картины мира соответствует языковая модель бытия, а понятия в языке выражаются с помощью терминов, то одними из главных надо считать такие проблемы, как многоаспектное исследование теории терминологической дериватологии, изучение термина как особой лингвокогнитивной единицы, а также появление, эволюция, модификация, усвоение и моделирование научных знаний на уровне терминологических систем, пространств и когнитивных сфер.

Лингвокультурное содержание фразеологических единиц с компонентом *видеть / смотреть*

И. Д. Гарипова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Фразеологические единицы, лингвокультурология, национально-культурная специфика, внутренняя форма слова

Summary. The paper deals with the results of semantic and linguoculturological analysis of phraseological units including in the structure a component “to see” / “to look”.

Лингвистика XXI века активно разрабатывает новое направление, в котором язык рассматривается не просто как

орудие коммуникации и познания, а как культурный код нации.

Такой подход к изучению языковых фактов называется лингвокультурологическим. В его основе лежит положение о том, что культура каждого народа воплощается в языке посредством особого видения мира.

Связь культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Множество пословиц и поговорок отражают специфические национальные черты, обладают той языковой образностью, которая корнями уходит в историю народа: первоначальный смысл многих устойчивых оборотов связан с обычаями и традициями предков, бытом и укладом их жизни. Неудивительно, что фразеологизмы являются бесценным культурным достоянием каждого народа. Поэтому при описании фразеологических единиц основным признается лингвокультурологический аспект.

Предметом нашего исследования стало лингвокультурное содержание фразеологических единиц русского языка с компонентом *видеть / смотреть*. Его актуальность объясняется, прежде всего, тем, что фразеологические единицы представляют собой «ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них «закреплены» нравы, обычаи, верования, суеверия, ритуалы, мифы, обряды, легенды и т. п., — все, чем жил человек в глубоком прошлом и что и сейчас активно участвует в формировании культурных кодов, способствует усвоению культурной информации посредством языка и определяет культурный менталитет русского человека» [Потапушкин 2000: 1].

Изучение национально-культурной специфики фразеологических единиц предполагает интерпретацию образного основания внутренней формы фразеологизмов в знаковом «пространстве» русского языкового сообщества. Источником культурного знания служит внутренняя форма фразеологизма потому, что в ней содержатся такие элементы, которые придают фразеологизму национально-культурный колорит. При этом они могут быть связаны с обиходно-эмпирическим опытом народа, со сферой материальной культуры, с историческим опытом народа и т. п. «В лингвокультурологии экспликация культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основании рефлексивного — бессознательного или осознанного соотнесения живого образа (внутренней формы) фразеологизма с теми «кодами» культуры, которые известны говорящему: настоящими же кодами культуры являются значения мифов (мифологем), легенд, обрядово-ритуальных форм культуры, обычаев, поверий, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т. п.» [Потапушкин 2000: 21].

Обратимся к исследованию лингвокультурного содержания фразеологизмов, русского языка с компонентом *видеть / смотреть*:

Не видеть (не видать) света [белого] — 1. «Будучи обремененным непосильной работой, заботами и т. п., не зная покоя, отдыха, нормальной жизни»; 2. «мучительно страдать от нестерпимой боли, какой-либо болезни и т. п.». Это собственно русское выражение. По мнению ученых-фразеологов, существуют две версии происхождения этого

фразеологизма. Первая версия связана с тем, что данная фраза может представлять собой переделку выражения — *света Божьего не видно* (о повсеместном горе), оборот может быть также мотивирован поведением человека при испытании сильных эмоций. Другая версия происхождения обосновывается тем, что в сочетании *света белого не видеть* оборот *белый свет* в какой-то мере ещё сохраняет исходное значение «яркий дневной свет». Ещё в XVII в. этот оборот мог употребляться и в прямом значении. Таким образом, оборот, возникший на базе этого прямого значения, интерпретируется двояко. С одной стороны, человек не замечает белого света (т. е. светлого дня) из-за интенсивной и тяжёлой работы; с другой — ему, как говорится в русском фольклоре, *белый свет не мил* из-за сильной боли, болезни или душевных переживаний. Эта раздвоенность отражена и в современном употреблении.

Видеть (представлять) в чёрном свете — «находить что-либо плохим, мрачным, безрадостным». Чёрное ассоциируется в русском языковом сознании с чем-то плохим, мрачным, безрадостным (*чёрный день* — «плохой, мрачный день», *чёрные мысли* — «нехорошие, мрачные мысли» и т. п.), ср. **видеть в розовом свете (цвете)** — «воспринимать, представлять что-л. только с положительной стороны, оптимистически, идеализируя».

Последнему фразеологизму в определенной степени синонимичен оборот **смотреть сквозь розовые очки** — «не замечать недостатков в ком-либо или в чем-либо, идеализируя кого-либо или что-либо».

Об ограниченности узости взглядов человека свидетельствует фразеологизм **смотреть (глядеть) со своей колокольни** — «судить о ком-либо или о чем-либо только со своих позиций, односторонне».

Видеть на три (на два) аршина в землю (под землей, под землю) — «отличаться большой проникаемостью». Как известно, *аршин* был в России центральной метрической единицей, которая сменила предшествующий *локоть*. Величина различных аршинов (как и локтей) была нестабильна, но постепенно русский аршин стал равняться 0,71 м., и это утвердилось в России. Как одна из основных мер длины *аршин* применялся вплоть до введения в 1918 г. метрической системы мер. Так, выражение **видеть на три (на два) аршина в землю (под землей, под землю)** воспринимается как шутивная гипербола, служащая обозначением ума и способности человека предвидеть те или иные события в будущем.

Таким образом, интерпретация ментально-культурных коннотаций фразеологических единиц, воплощенных в их внутренней форме, способствует познанию национального своеобразия языка и культуры каждого этноса.

Литература

- Мелерович А. М., Мокшенко В. М. Фразеологизмы русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
Потапушкин Н. А. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте: Учебное пособие. М., 2000.

Актуальные метафоры современного города

О. Н. Григорьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Метафора, коннотации, урбанистический словарь, катахреза

Summary. The report investigates the current metaphors which describe the life of a modern metropolis. Most of them go back to traditional views of the city as a bazaar, a jungle, an organism and a machine. The author draws attention to the semantic transformations of the metaphors at the beginning of XXI century. The main trend in the development of an urban metaphor is a complication of the meaning of metaphors from traditional semantic fields and development of the opposite connotations in them.

Развитие современного города предоставляет несколько возможностей для создания новых или обновления старых метафор. Во-первых, это характеристика самого города. Во-вторых, это метафоры, свойственные языку горожан определенного времени. В-третьих, это использование метафор при создании вывесок, постеров и рекламных щитов.

Типология профессора Ростовского университета Питера Лангера дает возможность выделить, как минимум, четыре ключевых урбанистических метафоры: город как *базар*,

город как *джунгли*, город как *организм* и город как *машина*. Эти метафоры с точки зрения социолога рассматривает в своей статье Е. Трубина. Социологический подход к метафоре позволяет упорядочить хаотическое множество образных выражений, характеризующих современный город, и проанализировать богатство городской метафоры.

Базар, по Лангеру, позитивная метафора городского многоцветья и разнообразия. В России базар часто ассоциируется с приезжими торговцами и неорганизованной торгов-

лей. Эти коннотации обнаруживаются в некоторых материалах современных СМИ: «Времена, когда торговать чуть ли не с земли было нормой, прошли. И уж совсем нелепо превращать в базар весь город» (Северный рабочий, 23.07.2011). Вспомним, что *базар*, слово персидского происхождения, обозначает не только место, где все продается и покупается, но и своеобразный «клуб» торговцев и покупателей. В значении «богатство выбора» это слово укоренилось в журналистике середины XIX столетия и вышло на первый план, начиная с 90-х годов (ср.: рекламное агентство «Медиа Базар», издательско-рекламная фирма «Петербургский модный базар», журнал для женщин «Модный базар», журнал «Русский базар», в котором было собрано все — и беллетристика, и науки, и изящные искусства). АРТБазар на ВИНЗАВОДЕ (Центре современного искусства) — ярмарка выходного дня, традиция приятного времяпрепровождения и прекрасное место для общения талантливых и креативных людей.

Особое место в культурном пространстве Москвы занимает здание «Славянского базара», выходящее на Никольскую улицу. В начале XIX века здесь были торговые помещения. В 1860-е гг. «базар» арендовал крупный промышленник и предприниматель А. А. Пороховщиков, по своим убеждениям славянофил. На месте лавок он строит фешенебельную гостиницу с рестораном и дает ей название: «Славянский базар». Название стало культовым в силу того, что в нем было принято решение о создании Московского Художественного театра и что оно вошло во многие известные произведения русской литературы. Показательно, что один из крупнейших фестивалей искусств в Европе также был назван «Славянским базаром». Таким образом, *базар* в современном урбанистическом словаре стал метафорой (и синонимом) *выставки и фестиваля*.

Метафора *джунглей* также фиксирует разнообразие города, но вместе с этим — его плотную заселенность и опасность. *Джунгли* как метафора капиталистического мегаполиса восходит к одноименному роману Эптона Синклера 1905 г. Роман был написан после поездки писателя в Чикаго. Доминирование «негативности» в метафоре «город как джунгли» можно проследить на нескольких примерах из современных российских СМИ: «Мегаполис — это настоящие каменные джунгли, а его жители либо хищники, либо жертвы»; «Бензиновые джунгли» — название репортажа о плохом качестве бензина, продаваемого в Москве; «Маугли в джунглях города» — под таким заголовком в газете «Восточно-Сибирская правда» помещен материал о неблагополучных семьях и заброшенных, голодных детях. Но и метафора *джунглей* приобретает в последние годы новые, положительные коннотации. В семантике этого слова актуализируется экзотическая составляющая, популярная в современной рекламе. «Необычное мероприятие пройдет 29 октября 2010 года в стенах легендарного Московского Дома Книги на Новом Арбате — <...> показ коллекции меховых изделий от Марины Султашовой, которая предлагает свое видение образа современного космополита в каменных джунглях мегаполиса». В статье интерьерного журнала воспеваются керамическая плитка, имитирующей шкуру диких животных: «Стены, одетые в “кожу” вепра, слона или крокодила, необычны и вызывающи. Интерьер этой кухни — для настоящего мужчины, ищущего приключений в джунглях современного мегаполиса».

Метафора, использующая телесный код, также традиционна, но и она варьируется в зависимости от общественных и политических изменений. Так, распространенная метафора перестроечного времени — *выживание*. Речь могла идти о том, что многим заводам и фабрикам *перекрыли кислород*. Надежды, которые возлагались на *легкие города* — сады и парки — не оправдались. Метафора *город задыхается* приобретает все большую многозначность в связи с ухудшением экологии и учатившимися пожарами. *Коллапс* — угрожающее жизни состояние, характеризующееся падением кровяного давления и ухудшением кровоснабжения жизненно важных органов. Этот медицинский термин как нельзя лучше вписался в городскую метафорику. *Транспортный коллапс* — дорожный затор, при котором каждое дополнительное нарушение движения транспорта приводит к почти полной остановке движения. Новая фразеология, связанная с транспортными проблемами, стала настолько привычной, что можно говорить о появлении новых катахрез: *карта пробок, стоять в пробке, пробки онлайн*. «Лечим дорожные артерии, удаляем тромбы пробок» — заголовок в одной из городских газет, в котором метафора «город как организм» органично сочетается с метафорой *пробки* благодаря омонимии слов *сосуд* — емкость и *сосуд* — русло, по которому движется кровь.

Строительство города когда-то уподоблялось сотворению мира — мир словно заново строился, с соблюдением всех важнейших законов. И душа города — это была душа людей, в нем живущих. Метафора души осталась лишь в названии психологического центра «Душа города», который помогает горожанам избавиться от кризисных состояний, навязчивых мыслей и страхов. Возможно ли, что русский язык станет тем компасом, который выведет современный город на правильный путь?

Литература

Langer P. Sociology — Four Images of Organized Diversity // Hollister R. M., Rodwin L. (Eds.). Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences. New York, 1984. P. 97–118.

Полиситуативный анализ как методический прием реконструкции представлений древних славян о пространстве

А. М. Дементьянова

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Полиситуативный анализ, локативное значение, ситуатема

Summary. The present study described the potential of polisituational analysis used for the reconstruction of hidden meanings in words with locative meaning. In the semantics of a one lexeme is an indication for a couple of situations and events that are in a relationship of interaction and interdependence.

Настоящее исследование посвящено описанию потенциала полиситуативного анализа, применяемого для реконструкции скрытых смыслов в словах с локативным значением. В качестве объекта рассмотрения выступают приставочные глаголы и прилагательные с пространственным значением, предметом является их семантическая структура. Материалом для исследования служат памятники древнерусской письменности. Актуальность и выбор материала для исследования объясняются отсутствием работ с применением методики полиситуативного анализа на материале древнерусских текстов и научным интересом к представлениям о мире средневекового человека.

Методика полиситуативного анализа заключается в разбиении содержания анализируемого фрагмента текста на

более мелкие ситуации, для того чтобы, в конечном счете, определить «семантические атомы» или «примитивы» [Мельчук 1995: 6]. Единица плана содержания, объединяющая ряд ситуаций, называется ситуатемой, которые имеют сложную архитектуру в виде полевой структуры с ядром и периферией, в которой выделяются ретроспективные, проспективные и параллельные ситуации [Лебедева 2009: 61].

В семантике как одной лексемы, так и синтаксических конструкций и целого фрагмента текста содержится указание на несколько ситуаций и событий, которые находятся в отношениях взаимодействия и взаимообусловленности. Локативность как категория связана с другими категориями, с такими, как бытийность, посессивность, темпоральность.

Задача данного исследования — в синтаксически простых локативных конструкциях, реализующихся в каком-либо фрагменте текста, вскрыть разнообразные глубинные смыслы, установить межкатегориальные взаимосвязи. Так, префиксальные глаголы имеют многослойную семантику благодаря приставке. Как отмечает Н. Б. Лебедева, «в приставочном глаголе мы имеем свернутую полипропозиционную структуру — это данным языком выработанный способ упаковки содержания в одну лексическую единицу» [Лебедева 2009: 46].

В качестве единиц для анализа выступают фрагменты текста «Повести временных лет», содержащие приставочные глаголы: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь <...> **приседают** от запада къ полуденю и **съседятся** съ племянем Хамовымъ» (Потомство Иафета также: варязи, шведы, урмане, готы, русь <...> **примыкают** на западе к южным странам и **соседают** с племенем Хамовым).

В данном фрагменте текста есть два префиксальных глагола, имеющие сходные значения, но различные по количеству содержащихся в них ситуаций. В современном русском языке основное значение приставки *при-* — это присоединение, приближение, чаще всего характеризующее пространственное расположение объектов. В приведенном примере глагол *приседают* имеет значение «территориально находятся близко, граничат», на русский язык переводится глаголом «примыкают», который отражает сугубо локативное значение, и имеет при себе распространители — стороны света (юг и запад). Приставка *со-* имеет значение совместного действия, существования на одной пространственной территории, в одном месте. Так, семантическая структура глагола *съседятся* является более сложной. Пропозиции ситуатемы «Афетово колено съседятся с племянем Хамовымъ» можно описать следующим образом.

Исходной ситуацией, которая на понятийном уровне выражена пропозицией, является **бытийная** ситуация (Иафетово колено и племя Хамово существуют вообще), она находится в пресуппозитивной зоне содержательной структуры любого глагола, обозначающего действие, состояние или отношение. Вторая ситуация — **локативная**, равная значению, передаваемому глаголом *приседают*, то есть потомство Иафета (варязи, шведы, готы и т. д.) территориально граничат с племенем Хама. Третья ситуация — **жизнедеятельности** — является вторичной по отношению к локативной ситуации (тот, кто находится где-либо долго, там и живет —

временное соотношение). Четвертая ситуация — **посессивности** — следует из предыдущего, пространственного, значения. Если какие-либо племена живут на определенной территории, значит, они ею владеют, устанавливают на ней свои порядки, организуют походы на чужие территории, другие племена. Пятая ситуация — **совместной жизнедеятельности**, находящая отражение в основном значении слова *съседятся*, то есть потомки Иафета живут рядом с племенами Хама, между ними существуют определенные взаимоотношения, обмен продуктами деятельности, использование источников воды и так далее.

Относительно глагола *приседают* набор ситуаций иной: будут актуализованы только бытийная и локативная ситуации, поскольку отсутствует значение совместной деятельности.

Рассмотрим еще один фрагмент текста «Повести временных лет»: «Святополк <...> **прииде** в **землю Ярославлю**». Прилагательное *Ярославля* (земля, названная по имени князя) включает ряд смыслов: локативности Ярослава (нахождения в данной земле), его жизни (включающем идею жизнедеятельности) в данном локусе, его владения данной землей (посессивность по отношению к этому локусу), в пресуппозитивной имеется смысл бытийности-существования Ярослава. Таким образом, в данном фрагменте включены четыре пропозиции, объединенные в ситуатему одним субъектом (Ярославом), одним локусом-объектом (земля) и отношениями между ними: причинно-следственными, временными и производности.

Таким образом, с помощью полиситуативного анализа конструкций с локативным значением вычлениются скрытые смыслы; слова, выражающие пространственные значения, на глубинном уровне совмещают в себе разные смыслы: помимо локативного в семантике глагола или прилагательного может присутствовать также посессивное, темпоральное, деятельностное и другие значения.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
 Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
 Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М., 2009.
 Мельчук И. А. Русский язык в модели «смысл — текст». М.; Вена, 1995.
 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Репринтное издание: М., 1989.

Категория «Определённость / неопределённость» в болгарской языковой картине мира

К. Г. Исса

Университет архитектуры, строительства и геодезии (София, Болгария)

Definity / Nondefinity; definition of since; article

Summary. The category “Definity / Nondefinity” in the Bulgarian language picture of the world. The report present the category “Definity / Nondefinity” like a part from the picture of the world in the Bulgarian language medium. There are presenting the different semantical suggestions and the ortografy norms for expressing of this category.

У каждого народа имеется свой собственный взгляд на действительность. Каждый язык выражает факты окружающего мира по-разному в сравнении с другими языками. Поэтому каждый язык является интерпретационным шифром, тайным кодом, который принимается однозначно только от носителей языка в данном обществе. Поэтому и грамматические категории, несмотря на их универсальность, различаются не только по формальным выражениям, но и по степени внушения, которое делает их специфичными для каждого языка.

Категория «Определённость / неопределённость» в болгарском языке уникальна не только членными морфемами, которые вместе с отсутствием падежей отличает болгарский от других славянских языков.

У этой категории есть интересные речевые реализации для выражения чувств в болгарском языке. Это, например, местоименные употребления, у которых превышает критичность, или подчеркивается чувство колебания, или вы-

ражается всякие мысли и чувства. В этом смысле, категория «Определённость / неопределённость» очень важна в болгарской языковой картине мира.

В современном литературном болгарском языке протекают множество процессов до уточнения, которые язык ещё не установил. Норма сравнительно молодого языка ожидает кодификацию, которая должна соответствовать современному состоянию языка.

Может быть, в процессе предстоящих у нас реформ будет рассмотрен вопрос об употреблении членов определённых имён. Полный и краткий член имён мужского рода показывают падежные зависимости, давно исчезнувшие из языковой среды Болгарии. Они не употребляются никем в разговорной практике и служат только для понижения оценок государственного экзамена наших выпускников.

Может быть, в новых грамматиках выделим больше времени, чтобы отдать должное этой категории, которая делает нас уникальными и особенными.

Концептуализация феномена «праздник» в современной диалектной картине мира

Ю. В. Каменская

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Концептуализация социальной сферы, вариативность языковой картины мира, концептуальные оппозиции

Summary. As part of this work is considered conceptualization of the phenomenon of “holiday” in the dialect picture of the world. Conceptualization festive sphere in the dialect has its own individual features, which distinguish it from the literary language. Holidays traditionally be realized as a very important part of the life of the community, as represented not only the time of rest from hard work, but also necessary in the social respect of actions (strengthening of the family and the neighbors' relations, creation of marital relations, etc.). Due to this festive sphere in dialect, in contrast to the literary language, is thoroughly elaborated.

В последнее время появляется все больше исследований, посвященных изучению вариантов языковой картины мира. Вариативность языковой картины мира обусловлена многими факторами, в частности, стратификационной неоднородностью национального языка, существованию, наряду с литературным языком, диалектов, просторечия, различного рода жаргонов. Проблема множественности картин мира наиболее эффективно решается на материале текстовых корпусов и иных дискурсивных источников соответствующих вариантов национального языка. Наше исследование проводится на материале Саратовского диалектного текстового корпуса, подкорпуса «Говор села Белогорное».

В рамках настоящей работы рассматривается концептуализация феномена «праздник» в диалектной картине мира. Под концептуализацией мы понимаем совокупность языковых средств, репрезентирующих, вербализующих область представлений о каком-либо феномене. Концептуализация праздничной сферы в диалекте имеет свои яркие особенности, отличающие ее от литературного языка. Праздники традиционно осознавались как очень важная часть жизни деревни, поскольку представляли собой не только время отдыха от тяжелой работы, но и необходимые в социальном отношении действия (укрепление родственных и соседских связей, создание брачных отношений и т. д.). Вследствие этого праздничная сфера в диалекте, в отличие от литературного языка, является детально разработанной.

В диалекте праздник предстает как событие, обладающее рядом устойчивых концептуальных признаков. Вне зависимости от того, являлся праздник личным (свадьба) или общим (календарные праздники), концептуально значимым становится признак «многочисленность, большое количество людей»:

- 1) — *А вот на святки вы сказали веселились, как?*
— *Ну, на Святки-то / ты что! Вся деревня! Бывало / придем / нарядимся / придем //*
- 2) — *А свадьбу как играли?*
— *Свадьбу тогда играли хорошо играли // тогда свадьба вперед идут к невесте / у невесты / а потом идут к жениху / это ж день один день / на второй день с блинками / идут от невесты / туда / дня три гуляют // гуляет народ бывало полно / на свадьбах было /*

Не менее существенным концептуальным признаком становится и обязательность праздничной деятельности (в том числе связанная с культурой застолья), а также невозможность осуществления ее в непраздничное, повседневное время:

Тогда лучше / проще было // В святки были ряженые ходили / шутили // По посиденкам ходили вязали / песни пели... Семечки вот такую сковороду грызли по выходным // Праздник есть праздник / воскресенье // Раньше же как: в субботу крайний день считался / все / на танцы не пойдешь / в субботу грех // в воскресенье уже целый день свободно [...]

Как показывает материал нашего текстового корпуса, концептуализация праздника в диалекте тесно связана с гиперконцептом «время», поскольку праздники, имена праздников часто становятся репрезентантами этого концепта. Концепт «праздник» вписывается в циклическую модель времени.

Нередко диалектоносители используют номинации различных праздников как временной маркер в рассказе о важнейших событиях своей жизни:

Это вот как раз было... четырнадцатого-то Покров Богородицы / праздник / Покров был / а он / значит / в четыре часа пятнадцатого-то / на воскресенье-то / в четыре часа но... утра помер // День-то приметный больно //

В речи информанта номинация праздника — Покров Богородицы — становится временным маркером важного трагического события в ее жизни, помогает запомнить эту дату.

Репрезентанты традиционного календаря могут появляться в речи информанта в своей исходной функции темпорального актуализатора:

вот я иду / домой идем из поля / а завтра Петров день уговаривались завтра мы девчонки / наняты были / человека четыре може идем девчонки разговариваем завтра мы нарядимся вот так вот так на базар пойдем //
а то бывало и так / поедешь на ледянке... купили мне / к Рождеству / платье мачеха сшила // я на ледянке поехала / и попало у меня платье то / подол то / под ледянку забрало и половина... подола нету

В этих примерах имена праздников, использующиеся в функции временных маркеров (Петров день, Рождество) используются информантами в ходе естественного рассказа о событиях своей жизни.

В речи современных диалектоносителей можно увидеть смешение, ассимиляцию двух праздничных систем — традиционного календаря и системы советских праздников. Иногда такое смешение происходит в одном контексте:

ну и нашёлся жених / ну... и как раз вот... Восьмое марта было / а он как раз на- последней неделе... вы сейчас / наверно / понимаете / что Великий пост придёт? Масленца / и за Масленцей Великий пост // туда // вот // и вот как раз мы на этой / на Масленской неделе /

Последовательное перечисление праздников, выстраивание их годового цикла встречается в рассказах современных диалектоносителей чаще в усеченном, редуцированном виде и актуализируется в большинстве контекстов по инициативе диалектолога:

— *А вот расскажите о праздниках церковных.*
— *Ну / какие праздники-ти? вот / Успенье будет / потом Иван Поститель будет / вот на Иван... в году три праздника постных больно // вот Иван... искровень головы / Иван Поститель / Воздвиженье придёт за ним / и крещенский сочельник // вот эти три праздника / это три дня / не ешьте скоромного / вот // а там за Иван Постителем будет что ль / Воздвиженье / а за Воздвиженьем будет Покров / вот говорили нам Покров-то / откроют церкву-ту //*

Праздники религиозного календаря зачастую известны современным диалектоносителям только по названию (иногда искаженному), неточно может интерпретироваться содержание праздника:

— *Сегодня какой-то праздник что ли?*

[жена] — *Да Иван какой-то Предтечный //*

[муж] — *Предтече Ивана — голову отсеки Ивану Предтече // жена уж больно мужу подчинялся // он приказал / Ивану Предтече / отсеки ему голову и принеси ее // и она принесла на тарелочке ему //*

Исключение составляют глубоко верующие диалектоносители, для которых соблюдение дат религиозного календаря является неотъемлемой частью жизни. В лингвокультурной ситуации говора села Белогорное это, как правило, члены старообрядческих общин (реже — приверженцы офици-

ального православия). Очень важным для таких информантов оказывается разграничение церковных праздников и праздников светских. Церковные праздники в их сознании обладают принципиально другими концептуальными признаками (торжественность, соблюдение обязательных церковных ритуалов, молитва, отсутствие застолья как обязательного компонента праздничного действия), противопоставляющими их обычным, «мирским» праздникам:

мы в любой праздник не радуемся / мы читаем с умилением // [...] мы не радуемся // и в честь праздника мы

не выпиваем / ничего / мы такие торжества не делаем // это погрешно //

Таким образом, праздник — это одна из самых ярких репрезентаций социальной сферы в лингвокультурном сознании носителей диалекта. Основным принцип концептуализации этого феномена — выстраивание оппозиции «праздник — будни», где левый член оппозиции является маркированным. В сознании глубоко верующих диалектоносителей эта концептуальная оппозиция осложняется оппозицией «церковные праздники — светские праздники».

Славянская семантическая оппозиция «свой — чужой» в лингвокультурологическом аспекте описания

Е. В. Кишина

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Семантическая оппозиция «своё — чужое», национальная модель мира, концептуальный анализ

Summary. The paper deals with the interdisciplinary character of scientific understanding of the Slavonic semantic opposition «own — alien», the linguocultural direction of modern studies being pointed out.

Исследования духовной сферы человечества, выявление и описание констант русской культуры прямым образом соотносено с рассмотрением дихотомии «своё — чужое», отражающей ценностные ориентиры русского народа и многовековой опыт человечества [Гачев 1994]; [Волоцкая 1987]; [Байбури 1990]; [Лотман, Успенский 1982]; [Бахтин, 1994]. Исследования в данном направлении носят в преобладающем большинстве лингвокультурологический характер, так как построение русской национальной модели мира неотделимо от знакового воплощения дихотомии «свойственность — чуждость».

Языковая модель «свойственности — чуждости» впервые становится объектом научного рассмотрения в работе В. Н. Топорова и В. В. Иванова [Иванов, Топоров 1965], реконструирующих по данным языка архаическую праславянскую модель мира. Выделяя в группе других универсальных противопоставлений (*близкий — далёкий, дом — лес, мужской — женский* и т. д.) оппозицию «свой — чужой», исследователи придают данной группе ярко социальный характер, делают вывод о доминирующем положении «свойственности — чуждости» в социальной интерпретации мира.

Универсальный характер оппозиции предопределяет междисциплинарный подход к её рассмотрению. Осмыслением феномена «свой — чужой» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний. Выделяемое образование подвергается научной рефлексии с позиций разных теоретико-методологических подходов.

Так, в рамках философской и культурной антропологии, социологии, политологии «своё — чужое» сводится к противопоставлению разных этнических общностей: «свой / русский народ» — «чужой народ / нерусский» (Э. Гуссерль, Н. Печерских, Р. Штихве, Е. Шервуд и др.). Подобная интерпретанта наделяется рядом функций:

- 1) этнодифференцирующая функция, выражающаяся в противопоставлении этнической специфики разных народов (*наша культура — их культура, наш менталитет — их менталитет*);
- 2) этноинтегрирующая функция, способствующая осознанию единства своей нации (осознание некоторой группой самой себя как «своих» в отличие от «чужих»).

Лингвокультурологическая интерпретация «свойственности — чуждости» широко представлена в современных исследованиях: [Воробьев 1997]; [Маслова 2001]; [Яковлева 1993]; [Яковлева 1994]; [Цивьян 1990] и др. Путём выделения и описания «лингвокультурем» создаётся поле «свойственность — чуждость», в роли компонентов которого выступают концепты, отражающие национальные стереотипы мировидения и мировосприятия.

Так, доминантами сферы «своё», репрезентирующей особенности русской национальной личности, выступают такие черты, как доброта, отзывчивость, максимализм, альтруизм и т. д. «Наши» / «русские» особенности выделяются на ос-

нове сопоставления и противопоставления с компонентами сферы «чуждость» как репрезентантами архетипических признаков иной народности.

Предметом рассмотрения когнитивной лингвистики становится функционирование «свойственности-чуждости» как культурного концепта, воплощённого в языке. Путём концептуального анализа исследователи выявляют концептообразующие смыслы, формирующие данную группировку, определяют специфику реализации семантики «свойственность — чуждость» в разных культурах, делают выводы о степени значимости данного противопоставления для мировидения народа.

Особенности смысловой реализации «свойственности — чуждости» раскрываются лингвистами на разнообразном материале (фольклорные тексты, художественная литература, публицистика). Базовыми же являются исследования языковой репрезентации «свойственности — чуждости» на материале диалектной речи.

Наиболее активно данное направление развивается представителями томской лингвистической школы: [Порядина 1995]; [Порядина 2002]; [Демешкина 1998]; [Резанова 1996]; [Тубалова 1998]; [Тубалова 2001]; [Злобина 1998]; [Серебренникова 1998]; [Серебренникова 2005]; [Петроченко, 2005]. Анализ смыслового содержания «свойственности — чуждости» на уровне индивидуального дискурса диалектоносителей выявляет специфику моделирования народной картины мира в аспекте противопоставления «свой — чужой».

Интерпретация данной оппозиции в диалектах проводится в разных аспектах: территориальном, социальном, конфессиональном, этническом. Так, социальная чуждость — явление достаточно широкое. В сознании носителей языка оно реализуется как при восприятии слов иного социально-речевого типа, так и при осознании «чуждости» в семантике слов другой формы национального языка:

- профессиональная ограниченность;
- литературный язык — просторечие;
- литературный язык — диалект;
- национально-культурная чуждость слова.

В целом смысловое наполнение анализируемого понятия позволяет раскрыть особенности народного самосознания, выявить воплощение народного миропонимания в языковой форме.

Литература

- Байбури А. К. Ритуал: «своё» и «чужое» // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3–18.
- Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994.
- Волоцкая З. М. Элементы космоса в фольклорной модели мира (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 250–266.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и метод). М., 1997.
- Гачев Г. Д. Российская ментальность // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53.

- Демешкина Т. А. «Я» и «МЫ» в сибирском говоре // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 191–193.
- Злобина Т. И. Отражение понятий «свой» и «чужой» в сводном словаре алтайский говоров // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 100–102.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы // Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 63–218.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: («Свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. Вып. 576 (= Труды по знаковым системам. XV). С. 110–121.
- Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие. М., 2001.
- Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989. С. 54–82.
- Петроченко М. Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Порядина Р. Н. Универсальные категории культуры в языковой картине мира (на материале среднеобских говоров) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. С. 100–105.
- Порядина Р. Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных. Томск, 2002. С. 74–80.
- Резанова З. И. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории свойственности / чуждости // Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск, 1996. С. 192–197.
- Серебренникова А. Н. Речевое воплощение понятия «свое / чужое»: Социально-экологический аспект // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвузовский сб. ст. Томск, 1998. С. 96–99.
- Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности — чуждости» (лингвокультурологический аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 1997.
- Тубалова И. В. Отражение в метатекстах семантики «чуждости» слова // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998. С. 128–130.
- Тубалова И. В. Семантика «свой» / «чужой» в фольклорном тексте // Проблемы русистики: Материалы Всерос. научн. конф. Томск, 2001. С. 118–120.
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Яковлева Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 48–61.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.

Опыт применения контрастивного анализа в исследовании лингвокультуры Кубани: этноним *казак* (на материале народных песен)

Ю. Н. Кононова

Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт (Славянск-на-Кубани, Россия)

Фольклорная языковая картина мира, контрастивный анализ, лингвокультура

Summary. Ukrainian folk songs and songs of Kuban Cossacks give a bright reflection of the notion about the world, everyday life, thus folk texts present special interest for linguocultural and linguistic analysis. In the given research cultural and linguistic components of the lexeme Cossack have been revealed.

Кубань, в силу особенностей своего исторического развития, является уникальным регионом, где на протяжении двух веков взаимодействовали, взаимопроникали и формировались в одно целое элементы культур южнорусских, восточно-украинских и других местных народов. Кубанское казачество является «бизническим образованием, объединяющим две национальные ветви — черноморцев (украинцев) и линейцев (русских)» [Зайцев 1993: 101]. Кубанский фольклор представляет собой продукт длительного исторического развития, поэтому для него характерны языковые изменения, связанные с изменениями окружающего мира.

Актуальность темы определяется особым исследовательским интересом к сопоставительному анализу лингвокультурных реалий, свойственных языковым картинам мира близкородственных языков, а также малоизученностью лингвокультурных концептов в рамках регионального песенного фольклора и спецификой фольклорного материала, предлагаемого для рассмотрения.

Предметом исследования является лексема *казак* в текстах народных песен казаков Украины и Кубани, относящаяся к лексико-семантической группе этнонимов (этнохоронимов — названий исторически сложившихся групп населения).

Цель исследования: на примере контрастивного анализа этнонима *казак* выявить культурно-языковые составляющие лингвокультуры казаков Кубани и Украины.

Метод исследования — контрастивный анализ доминант — составная часть оригинальной лексикографической методики, выработанной на базе исследования фольклорного материала курской лингвофольклористической школой под руководством профессора А. Т. Хроленко. При анализе частотного словника лексем выявляется верхний слой опорных слов, так как «среди 100 первых частотных лексем присутствуют слова, являющиеся доминантами языковой картины мира группы или индивида» [Хроленко 2006: 56].

Лексема *казак* входит в ядро фольклорной лексики Кубани и Украины. Е. В. Литус, анализируя доминанты русской

и украинской народных традиций, отмечает, что «наименование исторически сложившейся народной общности — казачества — свойственно только кубанской и украинской лингвокультурам, отражение этого в песнях очевидно» [Литус 2008: 102]. Среди доминант лексема *казак* в песнях Украины имеет инд. 6, индекс 2 — в песнях черноморских казаков и 8 в песнях линейных [Литус 2008: 99]. С целью исследования семантической структуры лексемы *казак* из актуализированных лексиконов АЛ1 (песни черноморских казаков), АЛ2 (песни линейных казаков), АЛ3 (песни казаков Украины) нами были выбраны все словоупотребления анализируемой лексемы, а также производные слова. Так как общее число лексем (с учетом их словоупотреблений) в корпусах текстов песен линейных и черноморских казаков Кубани различно (украинские — 61229; линейные — 30591; черноморские — 53820), нами был введен коэффициент для возможности сопоставления лексиконов. За единицу был взят АЛ3, таким образом, коэффициент К составил 1,14 для песен черноморских казаков и К = 2 для линейных. Материал для анализа в пересчете на коэффициент представлен в таблице.

АЛ1 (К = 1,14)	АЛ2 (К = 2)	АЛ3 (К = 1)
Козак 330	Казак 198	Козак 360
Казак 2	Казаченько 10	Казаченько 194
Казаченько 2	Казачок 8	Козацький 11
		Козачок 3
		Козаченьку-серце 2
		Козак-дурак 1
		Козак-коханец 1
		Козаковий 1
		Козаче-козаченьку 1
		Козаченьку-білозору 1
		Козаче-соболю 1

В народных песнях Украины употребительны уменьшительные формы лексемы: *Веди, веди, та козаченьку, Та веди ж, не барися, Бо за мною, та молодую, Увесь рід за-*

журився. Також різноманітні форми поєднання лексеми *казак* з приложеними-характеристиками: *Козаче-соболію, візьми ж мене з собою На Вкраїну далеко; А зломил білі ручки З мизинного пальця: «Нема, нема та й не буде Козако-коханця!»* [Яценко 2007]. В песнях лінійних і чорноморських казаків такого різноманіття не представлено. Из уменьшительных форм употребительна форма *казаченько* (10 и 2 словоупотребления соответственно): *Да расплакались молодые казаченьки, Перед Белым царем стоячи* [Бигдай 1995].

Сравнительный анализ лексеми *казак* показує схожість аналізованих лексиконів, що пов'язано, по-видимому, «с их принадлежностью к восточнославянской группе языков <...>. Однако очевидным также является и значительное украинское влияние на кубанскую лингвокультуру...» [Литус 2008: 103]. Лексема *казак* в народних піснях не називає етнічну групу, актуалізуються семантики: «неукорененість», «наличие определенных душевных качеств, черт характера»; «элемент одиночества», «связь с военной службой». В ході аналізу були виявлені також відмінності в використанні лексем в лінгвокультурах України і Кубані. Лінійні казаки частіше використовують етноніми в контекстах з військовою і армійською тематикою, чорноморські

казаки і українці в першу чергу цікавляться психологічними особливостями свого і інших народів, обривають увагу на особливості зовнішності. Результати аналізу етноніма *казак* вказують на те, що ця лексема є значимою складовою частинкою лінгвокультури казаків Кубані і України, пов'язаною з сприйняттям світу і визначенням світоглядом і світоосвідомленням нації, її свідомості оточеної дійсності, і свідомості казачеством власної ментальності і традицій.

Література

- Бигдай А. Д. Песни Кубанских казаков. В 2 т. Т. 2. Песни линейных казаков. Краснодар, 1995.
 Зайцев А. А. О некоторых тенденциях в истории Кубанского казачества // Казачество в истории России. Краснодар, 1993.
 Литус Е. В. Доминанты фольклорного мира Кубани: опыт анализа конкордансов песен линейных и черноморских казаков // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве: Материалы V Международной научно-практической конференции 8–9 авг. 2008 г. Славянск-на-Кубани: В 2 ч. Ч. 1: Разделы I–IV. Славянск-на-Кубани, 2008. С. 98–103.
 Хроленко А. Т. Кросскультурный анализ: понятийно-терминологический аспект // Вестник СГПИ. 2006. № 3. С. 64–69.
 Яценко А. И. Словник українських народних ліричних пісень // Лінгвофольклористика. Вип. 13. 2007.

Концептосфера української жіночої прози кінця ХХ століття — початку ХХІ: час, пам'ять, ідентичність

Ю. Р. Кушнерюк

Запорожский национальный университет (Запорожье, Украина)

Feminine prose, mental model, style, axiological concept, identity, metaphor, mysticism

Summary. The aim of the work consists in analysing the influence of leading mental models on formation of the artistic picture of the world, in interpreting mental components in the process of creating dominants of the artistic style of the Ukrainian feminine prose. The philosophic discourse reveals the high level of self-consciousness of prose by women. The main attention is concentrated on peculiarities of creation of the identity of a hero, of reception of space-temporal and axiological concepts.

Літературний період 80–90 рр. ХХ століття відзначається активними процесами, які проектується на загальний стан культури й суспільства України. Сучасна ситуація відзначається актуалізацією „жіночого” дискурсу в українській літературі пострадянського простору, представленого творчістю Г. Гордасевич, Л. Демської, О. Забужко, С. Йовенко, Л. Костенко, М. Кривенко, М. Ломонос, С. Майданської, М. Матиос, Г. Пагутяк та ін. В українській жіночій прозі кінця ХХ століття спостерігаємо формування нової світоглядної парадигми, у якій органічно переплетені різноманітні інтерпретації істин буття, позначені єдністю ідейно-тематичних тенденцій.

Час, пам'ять, ідентичність — провідні концепти, що визначають специфіку концептосфери жіночої прози в цілому й дозволяють визначити її як ідеологічний проект із різноманітними тенденціями. Характеризуючи стратегії пошуку нової ідентичності українською літературою 90-х років, не можна не звернути увагу на факт діалогу з недавнім минулим (останні десятиліття радянської епохи). У зв'язку з цим привертає увагу цілісна концепція радянської ментальності як об'єкт і контекст критичного переосмислення власної позиції і перспектив подальшого існування. Інтонація переосмислення соціокультурної ситуації 80–90-х у різних авторів коливається від меланхолійного ностальгійного ліризму до амбівалентної оцінки та неприхованої агресії та відвертого осміювання. Причому це стосується не тільки нещодавнього радянського минулого, а й сучасності, у якій закономірно відчутні деструктивні імпульси радянської ментальності (проблема меж приватного і суспільного, свободи, культурного розмаїття). Численні стереотипи піддаються деструкції, на основі якої формується новий тип художньої свідомості.

Сучасна ситуація у сфері гуманітарних наук свідчить про інтенсивне зближення наукового й художнього способу пізнання об'єктивної реальності. Особливі зрушення спостерігаємо у сфері філософії і літератури: дослідники наголошують на амбівалентності співвідношення філософії і художнього філософування. Дослідники переконані, що

емпіричну свідомість митця не варто ототожнювати з художньою, хоча при цьому акцентують у динаміці художньої свідомості „виявлення єдності особистісного „я” і реальності як сукупності об'єктивних умов людського існування та діючої парадигми духовного буття”.

В історії світової культури виділяють певні періоди, кожному з яких властива певна система ціннісних орієнтацій, специфічне бачення людини, ідея світобудови, яка в свою чергу визначає домінуючі, способи відображення дійсності в мистецтві. Художня модель світу за своєю сутністю в багатьох аспектах вступає в протиріччя з глобальною моделлю світу, оскільки в її основі постає альтернативна ієрархія цінностей. Проблема цінностей закономірно виникає в епоху знецінення культурної традиції і дискредитації ідеологічних настанов суспільства. ХХ століття принесло певні зміни в культурну парадигму, вироблену чоловіками. Сучасна соціокультурна ситуація передбачає єдність раціонального й емоційно-інтуїтивного начал. Жіночий тип світосприйняття відзначається вмінням функціонувати в умовах невизначеності та відкритості, що й відбивається в закономірностях формування художньої ціннісної системи.

Світоглядна парадигма визначає стилізові характеристики творів. Сучасні українські дослідники акцентують увагу на особливостях їхньої рецепції та схильні розглядати художні тексти як ідеологічні проекти, здатні трансформувати суспільну свідомість. Художня література в такій інтерпретації є своєрідним каналом для здійснення стратегій ідеологічного впливу та інкорпорації штучних цінностей, які нівелюють якість і національний світоглядний потенціал художньої творчості.

Цікаві результати дає осмислення цієї проблеми в ракурсі провідних аспектів формування „поколінневої піраміди” (Л. Демська) в сучасному літпроцесі України. Важливими для здійснення цього процесу є такі аспекти, як традиція, родова пам'ять, особливості сприйняття часу й простору, що актуалізовані в текстах різних авторів. Категорія часу розглядається в сучасному українському літературознавстві як іманентне відображення інтенцій авторської свідомості.

У контексті такої проблематики активізується осмислення концептів пам'яті, долі, індивідуального досвіду буття. Проблема дискретності й тягlosti часового потоку, його сприйняття людиною, конфлікт поколінь і його вирішення — наскрізна тема творчості письменниць, яка потребує додаткового дослідження.

Художні стратегії реалізації концептів „пам'ять”, „ідентичність”, „час” потрібно проаналізувати в контексті особливостей хронотопу творів на основі синтезу різних методологічних принципів (міфологічна критика, феноменологія, екзистенціалізм). У зв'язку з цим доцільно виокремити такі аспекти осмислення концептосфери жіночої прози:

- художня модель національної ідентичності;
- значення пам'яті у процесі формування ідентичності;
- феноменологія пам'яті;

- внутрішні детермінанти руйнування українського буття в екзистенційній перспективі;
- тема пам'яті та її зв'язок із проблемою покоління, родової еволюції (додатково в контексті рустикального (сільсько-го) і урбаністичного типу свідомості);
- проблема актуальності світогляду „шістдесятників” в новій літературній практиці (порівняльна характеристика нових романів О. Забужко і Л. Костенко);
- метафори на позначення інтуїції, пам'яті, часу, долі;
- „евакуація пам'яті” (С. Поветкін) у межах інформаційного суспільства;
- конфлікт и синтез різних типів мировоззрень в системі художественного тексту;
- критика моделі постіндустріального суспільства;
- релігійна й культурна парадигми ідентичності.

«И полные святости словеса...»: о церковнославянской концептосфере русской литературы

А. А. Медведев

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Церковнославянская концептосфера; русская литература XIX в.; христианская традиция

Summary. In the paper Church Slavonic of conceptosphere of Russian nineteenth-century literature (Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov) is considered and are defined in the context of the Christian traditions (V. Rozanov, V. Veydle, S. Averincev). The author is especially interested such key Christian concepts as «the kind faces» («blagoobrazie»), «beauty» («krasota»), «compassion» («sostradanie»), «kindness» («miloserdie»), «simplicity» («prostota»), «quietness» («tikhostj»), «honey» («sladostj»), «delight» («vos-torg»), «mercy» («umilenie»).

В. Вейдле в книге «Безымянная страна» (Париж, 1968), осознав проблему нарушенной революцией исторической преемственности, культурного разрыва, ключевым фактором его преодоления назвал русский язык, передающий в себе смыслы и образ мира, в них заключенный. Понять «самое сокровенное сокровище России» и вернуться к нему можно лишь с помощью языка: навести слова на их смысл.

Церковнославянский язык является «концентратом» русской культуры: пользуясь понятием Д. С. Лихачева, его ключевые концепты можно обозначить как ценностную концептосферу русской литературы XIX в. Являясь сколком греческого языка, русский язык, по О. Э. Мандельштаму, воспринял его бытийственную природу, эллинистического «тайну свободного воплощения» (λόγος). Из греческого в русском было усвоено представление о красоте Слова, о которой писал В. В. Розанов, раскрывая общую интенцию божественной красоты, проявившуюся в выборе веры и в древнерусском *вос-приятии* Слова как «небесного». Древнерусские книжники на века приняли к сердцу «красоту целой грозди слов» — многокорневые словообразовательные модели греческой украшенной речи (С. С. Аверинцев).

В рассказе «Святою ночью» А. П. Чехов раскрыл «красоту и сладость» церковнославянского Слова, продолжив в его восприятии библейскую (Пс. 118, 103) и древнерусскую традицию («Моление Даниила Заточника», «Житие Сергия Радонежского»). Разрыв этой традиции «сладостного» Слова в начале XX в. констатировал Н. С. Гумилев («Слово»).

Вейдле отмечал, что влившаяся с христианством в церковнославянский язык гармония греческого слова выработала в русском человеке гармонический дух. Русская душа, подобно мягкому воску, запечатлела в себе всю красоту и святость церковнославянского Слова, слагающего черты национального характера. «Красота святой фразы» акафиста отражается в благообразии чеховских праведников, образы которых украшены гроздью добродетелей — такими важнейшими духовными концептами православной святости и русской культуры, как милосердие, тихость, сладость, вос-торг, умиление.

«Цело-мудрие» (σω-φροσύνη), «благо-образие» (εὐ-σχημοσύνη), «благо-лепие» (εὐ-πρέπεια) являются ключевыми словами традиционной русской этики и эстетики (С. С. Аверинцев). Вейдле, помимо этих ключевых концептов русской культуры, без которых она не представима, выделил и такие завещанные греками и образующие ядро национальной концептосферы слова, как благочестие, благоговение, чистосердечие, милосердие, умиление.

«**Благообразие**» Вейдле назвал одним из драгоценнейших ключей к наследию России, выражающим восходящий к греческому языку русский идеал красоты как «нераздельного слияния добра и красоты», как «излучения добра». Основу этого единства — «сокровища», самой «сокровенной сердцевины» наследия России — Вейдле видит в «блистании» воскресшего Христа (песнопение Великой Субботы). Глубоко укорененное в русском языковом сознании единство добра и красоты Вейдле раскрывает в первой главе Книги Бытия о творении мира, в образе св. Февронии Муромской, в пушкинской Татьяне, а христианское «благообразие» — в страннике Макаре Ивановиче Достоевского, в толстовском Платоне Каратаеве. «**Красота**» в древнерусском понимании, по Вейдле, — «сияние Божьей славы», что можно подтвердить этимологически: по М. Фасмеру, ст.-слав. «краса» восходит к нов.-исл. hróbs («слава») и сближается с лит. grōžis («красота»), gražūs («красивый»), что в свою очередь отсылает к лат. gratia (греч. χάρις) — благодать (красота как дар Святого Духа).

Репрезентативным концептом русского национального сознания является «со-страдание» (греч. «συμπάθεια»). Это «исконное ядро» русской культурной традиции Вейдле видит в «искреннем сострадании» в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина. Ключевым словом русской культуры является и «**милосердие**» (церк.-лат. misericordia), псалмический смысл которого (Пс. 50, 1) Вейдле раскрыл в пушкинской строке «И милость к падшим призывал». Милосердие (милость), по Вейдле, пронизывает всю русскую литературу: от «Поучения» Владимира Мономаха, стихов Державина до знаменитых слов князя Мышкина о сострадании как законе бытия всего человечества.

Важнейший феномен русского для Вейдле — «**простота**» (цсл. Простота — «искренность, чистота; цельность»), присутствующая в тургеневском Базарове, в «опрошении» Толстого, в пушкинской Татьяне и родителей Гринева («Капитанская дочка»), в тютчевской «смирненной нагоде». Русское понимание простоты связывается с теплотой, сердечностью («задушевностью»), с добром и правдой, что выразил Толстой в «Воине и мире»: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды». Русский культ простоты, «тягу к святой и убогой нагоде» Вейдле возводит к евангельскому смирению и кротости Христа.

Слово выражает национальную концептосферу не только на уровне смысла, но и на уровне формы, отражающей религиозные, эстетические, национальные установки и ценности. Полногласие, «соединение металлического звона и пол-

ноты, основанной на преобладании гласных *a* и *o*», А. С. Хомяков считал оригинально чертою славянских наречий, гением славянского языка. Подход, соотносящий слово и национальный характер, осуществлял Розанов, контрастно сопоставлявший отражение в латыни волевого римского характера с выражением в славянском слове таких национальных черт, как мягкость, музыкальность, пассивность, безволие. Славянские «певучие говоры», «литературу из чистого золота» Розанов соотнес с запечатленным в них «золотым греческим словом» («золотым» по форме и содержанию).

Ключевое значение гласным и плавным согласным как выражению русской духовности придавали русские поэты: М. И. Цветаева ощутила в безгласной аббревиатуре «СССР»

неразрешимый для нее конфликт между русским «звуком» («Россия») и советскими «буквами» (СССР). (Эту утрату имени Вейдле воспринял как утрату смысла — русской духовной традиции). А. А. Тарковский, воспринимая русское слово как живое древо, уходящее корнями в церковнославянский язык, переживал его святость в плавных сонорных («*эр* и *эль* святого языка»).

Русская культура развивается в причастности (причастии) к этим «полным святыхи словесам»: Пушкин услышал их в «начале жизни» от «смирненной» и «убого» одетой «величавой жены», и хотя в юности они «смущали» его своей «святыей», но вне этой церковнославянской традиции творческий гений Пушкина немислим.

Образ людей «тайного знания» в народной и элитарной культурах

О. А. Мещерякова

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)

Языковая картина мира, лексико-семантическая группа, коллективное и индивидуальное сознание

Summary. The report is devoted to analyze of the image of the people with supernatural capability in Slavonic languages and in the Russian prose and poetry of a silver age.

«Жизнь среди людей нуждается в знании людей» (Н. Д. Арутюнова). Поэтому знания человека о реальной действительности включают представления о самом человеке и о его знаниях. Обращение к человеку как личности и индивиду привело к созданию его образа в языке.

В лексической системе выделяется лексико-семантическая группа слов, связанная с обозначением людей, имеющих «тайное знание». Семантика единиц данной ЛСГ, их этимология отражают фрагмент языковой картины мира, ту её часть, где сфокусировано коллективное осознание феномена сверхъестественных способностей людей, дана их оценка.

Представление о знании как источнике сверхъестественной силы лежит в основе номинаций *знахарь*, *знахарка*. Номинации *ведун*, *ведунья*, *ведьма*, *ведьма* (русс.) *відьма* (укр.), *вейтица* (южно-слав.) также свидетельствуют о том, что необычные способности связываются с высшим знанием, с возможностью *ведать* — знать. В отдалённую эпоху язычества под *ведением* понимался чудесный дар, заключающийся в умении понимать таинственный для обычных людей язык природы, истолковывать её явления и приметы, молить и заклинать.

Корень «вѣдъ», послуживший основой слов-обозначений людей «тайного знания», был один, однако производные от него получили различные смысловые приращения. Бранное значение приобрело слово «ведьма». Отрицательная оценка женщины-носительницы знания согласуется с оценками женщины как носительницы греха в христианском учении. Ведьме в первую очередь приписывается связь с нечистой силой. В украинском, чешском языках для обозначения ведьмы даже используется заимствованная из не-славянского (венгерского) языка номинация *босорка* (*bosorka*), которая сближает женщину с демонологическими силами — (ср.: укр. *босоркун* — «упырь»). Коннотативное значение лексемы *ведьма* — «злая, сварливая женщина» уже строится на оценке не интеллектуальных характеристик, а нравственных качеств, проявляющихся в отношении к людям, а также речевых действий женщины: С представлением о нечистой силе связано и другое именование женщины, обладающей сверхъестественными способностями, — *ворожея*. В основе номинации лежит эксплицируемая связь между действием *ворожить* и нечистой силой — *ворог*, *враг*.

Кудесник того же корня, что и *чудо*. Древнерусское *кудесникъ* образовано от *кудесный* «чародейский, волшебный», производного посредством суффикса *-ьн-* от *кудесъ* «колдовство, чары», представляющего собой производное с суффиксом *-es-* от **kouido*, являющегося перегласовкой к *чудо*. Применительно, что старославянское существительное *чудо* имеет связь со значениями «проникаться уважением, почтением; слава, репутация» (Н. С. Коваленко). Этим оно обнаруживает некое сходство со старославянским существительным *слово*. Видимо, возможность обращения с помо-

щью слова — молений и заклинаний — непосредственно к богам рассматривалось нашими предками как подлинное чудо. Именование лиц женского пола *бабами-кудесницами*, вероятно, также было связано с пониманием важности речевой деятельности. Значение слова *баба* в этом случае формируется под влиянием номинации *бабка*, производной от глагола *бабкать* со значением *наиётывать*. Подобные смыслы определяли употребление слова *бабка* для обозначения повитух, помощниц при родах, так как в народных преданиях эти женщины уподоблялись девам судьбы, предсказывающим будущее младенца.

Названия *чародей*, *чаровница*, встречающиеся в соответствующей огласовке в древнерусском, белорусском, украинском, болгарском, польском, словенском, чешском, словацких языках, представляют собой сложное слово. Первая часть *чар-* указывает на то, что эти люди обладали невидимой силой, способной пленять другого, воздействовать на него особым способом; вторая часть слова отсылает к представлению о действии. Слово создаёт напряжённый и динамичный образ человека, который совершает таинственный обряд, сочетающий слово и действие.

Имя волхвов часто ассоциируется с Востоком. Однако с точки зрения этимологии более очевидным представляется происхождение номинации *волхв* в славянском сообществе в значении «жрец Велеса». Именование этого бога (в народе его называют также *Валах* или *Волохатый*) восходит к представлению о важности волос в его облике, т. к. волосы считались хранилищем мудрости, средством связи со своим родом. Название *волхв* встречается не только в древних рукописях, лубочных сказках, но и в областных говорах.

Слово *колдун* и производные от него, по мнению И. И. Срезневского, соотносятся со славянским корнем *кльд* — *колд* или *калд* — *клюд* — *куд*, которым в старое время называли того, кто совершал жертвоприношения; в хорутанском наречии *калдовати* — приносить жертву, *калдованц* — жрец, *калдовница*, *калдовише* — жертвенник. Согласно точке зрения Н. М. Шанского, именование лиц по глаголу *колдовать* идёт от утраченного *кльдъ* (*колд*) — «говорящий», производного от того же корня, что и лит. *kalbà* «речь, язык». Глаголу *колдовать* семантически близки слова *заговаривать* (боль), *врачевать*.

Образ людей со сверхъестественными способностями, зафиксированный в славянских языках, строится на представлении об их особом даре слова, сверхзнании, связи с языческими богами или нечистой силой. Такой образ, отражая особенность коллективного сознания, составляет особую область народной культуры. Творцы элитарной культуры, находясь под воздействием этого образа, подвергают его художественной рефлексии, одновременно развивая и обогащая.

На рубеже XIX–XX веков к образу людей со сверхъестественными способностями обращаются представители как реализма, так и символизма. Создаётся ряд лексических и

семантических неологизмов: *тайновидец* (К. Бальмонт), *пестуны мира*, *ядосмесительницы*, *первоучительницы заговора и пророчества*, *бесоугодница* (Вяч. Иванов) и др., которые отражают индивидуально-авторскую оценку людей «тайного знания» и их роли в обществе. С этой же целью формируются новые синонимические парадигмы: *удоник*, *божий человек* — *знахарь* — *простой жулик* (И. А. Бунин); *деды вещице* — *кудесники* (Вяч. Иванов); *кудесник* — *песнопевец* (К. Бальмонт); *пророк* — *демон* — *кудесник* — *предвестник* / *Ещё неведомого дня* (Д. Мережковский). Поэты и писатели, употребляя существующие в языке лексемы-именования людей «тайного знания», включают их в контекст

напряжённого размышления о судьбе не одного человека, а всей России. У А. Блока номинации *колдун*, *ведуны*, *ворожееи*, *ведьмы* воплощают авторское представление об отсталости русской жизни, полной суеверий, и о её поэзии, неповторимой красоте. В повестях и рассказах И. Бунина, посвящённых теме настоящего и будущего России, образы колдунов, знахарей способствуют постижению «той энергетики русской жизни, которая не поддаётся описанию в историко-социологических терминах» (Н. В. Борисова). В лирике Серебряного века номинации людей «тайного знания» организуют новые семантические смыслы, представляя тему речетворчества и предназначения поэта.

Особенности мышления (категоризация) в методике преподавания русского языка

Н. И. Миронова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Мышление, категоризация, методика преподавания русского языка в школе

Summary. Accounting for the structural features of categorization category will allow students to anticipate possible errors and to improve the grammar assimilation.

Хорошие результаты дает использование в процессе обучения языку особенностей познавательных процессов: восприятия, внимания, памяти, воображения и мышления [Миронова 2007], [Миронова 2010], [Миронова 2011]. С этой точки зрения представляет интерес и такой мыслительный процесс, как категоризация.

Человек должен организовывать свои знания, чтобы в случае необходимости легко извлекать из памяти нужную информацию [Eysenck, Keane 2003: 280]. Но наша система памяти при организации нашего опыта требует когнитивной экономии, которая достигается с помощью разделения мира на классы вещей. Это позволяет уменьшить количество информации, которую надо воспринять, опознать и усвоить. Мы отождествляем вещи и объединяем их в категории, чтобы избежать необходимости запоминать каждый отдельный объект, который мы видим. Такие категории могут быть организованы в иерархии.

Категория организована определенным образом [Whitney 1998: 93–94]. Члены категории различаются по их «удаленности» от имени категории, ее центра. «Пингвин», например, более удален от имени категории «птица», чем «воробей» или «малиновка». Эти градации, которые отражены в членах категории, известны как различия в типичности. Менее типичные представители категории не так сильно связаны с категорией, как более типичные. Исследования показали, что люди тратят значительно меньше времени на верификацию утверждений о принадлежности к категории типичного объекта, чем нетипичного.

Представители категории связаны между собой отношениями «семейного сходства» (family resemblance) [Рахилина 2000: 352]; [Rosch 1978]; [Rosch, Mervis 1976]. Но поскольку они различаются по степени типичности, в категории можно выделить центр и периферию. Центр категории образуют наиболее типичные ее представители (для категории птиц, например, это воробей, ворона, сойка и т. д.), а на периферию попадают менее типичные (страус, пингвин).

Понятие категории может быть с успехом применено в практике преподавания языка. Причем особенности строения категории можно использовать для прогнозирования трудностей, возникающих у школьников при усвоении грамматического материала. Ошибки в большинстве случаев связаны именно с периферией категории. Речь идет об ошибках идентификации и грамматических ошибках; понятно, что вторые во многом определяются первыми.

Так, более типичным представителем категории «подлежащее» является существительное или личное местоимение, а не глагол; это одно существительное, а не словосочетание; это конкретное существительное, а не абстрактное и т. д. Школьник значительно быстрее идентифицирует подлежащее, выраженное существительным, чем другие его

виды; а в случае нетипичного подлежащего делает значительно больше ошибок в заданиях, требующих или найти подлежащее в предложении, или определить грамматическую основу предложения (это обычное задание ЕГЭ). Типичное сказуемое — это личная форма глагола, это простое глагольное сказуемое, а не составное глагольное или составное именное. Из определений наиболее типичное — это согласованное определение и т. д.

Многочисленные примеры дает категория «Части речи». Центр этой категории образуют самостоятельные части речи (за исключением местоимений, причастий и деепричастий). Как категорию, имеющую центр и периферию, можно рассматривать и конкретную часть речи. Во многих частях речи на периферию категории попадают такие ее представители, которые объединяют в себе признаки сразу нескольких частей речи. Это такие формы глагола, как причастия и деепричастия, некоторые разряды местоимений и т. д. Они хуже всего идентифицируются и усваиваются школьниками.

Центр категории «Предложение» образуют двухсоставные предложения. Как только для анализа дается односоставное предложение, возникают ошибки идентификации, которые в некоторых случаях вызывают и грамматические ошибки (если, например, такое предложение дается в составе сложного). И список подобных категорий легко может быть продолжен.

К сожалению, школьные учебники основное внимание уделяют именно центру категории, периферия почти всегда освещается недостаточно. Нельзя ограничиваться приведением примеров на периферию категории только в упражнениях и тестах, наоборот, следует фиксировать на них внимание учащихся.

Использование достижений когнитивных наук может помочь в поиске новых форм обучения. Разработка методики преподавания языка должна стать живым процессом, основанным на экспериментальных исследованиях, а не претворением в жизнь раз и навсегда сформулированных правил.

Литература

- Миронова Н. И. Когнитивные основания выбора формы представления учебного материала (таблица vs. текст) // Вестник МГЛУ. Вып. 547. Сер. Лингвистика. М., 2007. С. 102–107.
- Миронова Н. И. Интерференция схем как причина грамматических ошибок // Труды и материалы IV международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010. С. 800–801.
- Миронова Н. И. Когнитивный подход к методике преподавания русского языка // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания. Краснодар, 2011. С. 306–308.
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен (семантика и сочетаемость). М., 2000.

Eysenck M., Keane M. Cognitive psychology. A student's handbook. 4th ed. Hove; N. Y., 2003.

Rosch E. Principles of Categorization // Rosch E., Lloyd B. (eds.). Cognition and Categorization. Hillsdale; N. J., 1978. P. 27–48.

Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic objects in natural categories // Cognitive Psychology. 1976. Vol. 8. P. 382–439.

Whitney P. The psychology of language. Boston; N. Y., 1998.

Прецедентное имя АГАРЬ в славянских языках

Н. М. Орлова

Саратовский государственный университет (Саратов, Россия)

Библия, прецедентная ситуация, прецедентное имя

Summary. The paper focuses on the problems connected with Bible text as a precedent one in Slavic languages. Our work is devoted to such Old Testament precedent situation as *Sarah and Hagar* and its key concept HAGAR.

Библию как важнейший компонент мирового литературного канона отличает культурный универсализм, что находит выражение на языковом уровне и общей концептуальной значимости библейских ситуаций. Прецедентная ситуация «Сарра и Агарь» относится к ситуациям, содержащим драматический элемент, ее сюжет построен по новеллистическому типу.

Для рассматриваемой ситуации Библии важнейшими являются концепты 'всемогущество Бога' (рождение Исаака — то, что выше человеческого естества), 'неисповедимость Божьего промысла'. В библейской «жестокости» есть смысл, который выше понимания земного человека; в изгнании и страданиях Агари прочитывается ее грядущее предназначение. Наконец, прецедентные имена праотца множества народов Авраама, праматери Сарры, их сына Исаака формируют когнитивную линию 'семья' и соответствующий концепт. Ситуация содержит важнейшее условие для реализации прецедентного потенциала сюжетов данного типа — наличие в библейском нарративе женских образов. Варьирование когнитивной линии 'семья' — одной из важнейших в рассматриваемом прецедентном тексте — генерирует концепты 'семья', 'любовь', 'женственность', 'ревность', 'измена' и т. п.

При обращении к прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса наблюдается постепенное искажение когнитивной матрицы библейского текста, динамическое варьирование ее смыслов. Так, у Я. Полонского («Агарь», 1855) можно отметить, с одной стороны, актуализацию одного из наиболее важных концептов библейского претекста (и Библии в целом) — Агарь-мать, праматерь мусульман; с другой — привнесение рассказа о ее нравственных страданиях, о жизни в доме Авраама и т. п. «Пролитые слезы» — одно из первых в русской классике упоминаний об Агари как «плачущей», «рыдающей».

Связь с религиозно-философским смыслом библейского претекста и аллюзии на другую Мать — Богородицу — могут оставаться достаточно устойчивыми, поскольку в Библии содержится не только пророчество рождения Спасителя, но также упоминание о животворном источнике духовной силы («колодец»), на который указал Агари и ее сыну Ангел (Черубина де Габриак, Мирра Лохвицкая).

Атрибуция Агари как «матери, изгнанной из дома отцом ее ребенка», оживляет в имени ключевого концепта различные смысловые кванты, связанные с общеязыковым концептом 'покинутая женщина'. В сознании носителей многих языков закреплены ассоциативные ряды, связанные с *плачем, страданием, одиночеством* Агари: *Тоска, тоска звериная! Впервые жжет слеза <...>* (София Парнок); *Плачет, плачет мать о сыне, Стонет смуглая Агарь* (Мирра Лохвицкая); *do Ciebie, Jehowa, Podnoszę płaczący mój głos* (Kornel Ujejski); *<...> a Larisa будет моя невольница... моя рыдающая Агарь...* (Н. Лесков).

Иван Бунин, в художественном мире которого образы библейских женщин обладают особенно притягательной силой, обращается к рассматриваемой ситуации в рассказе «Натали». Героиня (Гаша), внешне похожая на библейских женщин (...отец когда-то говорил: «Вот, верно, такая была Агарь»), — не законная супруга и не «госпожа», а «наложница» и «крестьянская сирота» (= рабыня, подобно Агари). Отсылка к прецедентной ситуации эксплицирует кон-

цептополе 'трагическая любовь'. Агарь — юная (...вид она имела еще полудетский), черноволосая, с «темной тонкой кожей» и «глазами цвета сажи» — в когнитивной картине мира носителей русского языка всегда «брошенная возлюбленная»; сходство подчеркнуто созвучием имен (*Гаша / Агафья — Агарь*). Натали в прецедентном поле данной ситуации приобретает черты как Сарры, так и Агари. По сравнению с библейскими претекстами концептополе 'смерть, гибель' в рассказе Бунина эксплицировано значительно более отчетливо. Встреча с овдовевшей Натали происходит на фоне отпевания, *в сумраке и ладане этой страшной залы*; наконец, умирает сама героиня. Вся концептосфера трагической любви, безусловно, служит убедительным доказательством динамических возможностей библейской прецедентности, бесконечного варьирования когнитивной матрицы библейских прецедентных ситуаций.

Реализация прецедентного потенциала библейской ситуации «Сарра и Агарь» путем вербализации концептополей 'любовь', 'ревность', 'измена' и т. п. в прозе (например, у Н. Лескова) может сочетаться с ее ироническим переосмыслением. Менее предсказуемым является актуализация в структуре концепта 'Агарь' смысловых квантов, связанных с происхождением от Агари «великого народа», развитие новых значений у номинанта концепта, появление новых словообразовательных связей.

Агаряне (метонимически: Агарь) — 'арабы, мусульмане'. Производное, унаследованное из старославянского языка, употребляется в текстах религиозного содержания, в житийной литературе. В художественном дискурсе и в русском языковом сознании — 'иноверцы, мусульмане', наименование лиц по национальности, актуальное для данного периода развития социума ('арабы', 'турки', 'чеченцы'); ср. в одической поэзии XVIII века (М. В. Ломоносов. Ода... на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина; П. А. Сумароков. Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорение Молдавии; В. Майков. Ода на сражение флотов российского с турецким...).

В русском языке «агарянин» относится к числу немногочисленных экспрессивных этнонимов, имеющих высокую, книжную окраску, — наряду с такими наименованиями, как «галлы», «россы», поэтому слово, обладающее также явным налетом архаизма, охотно используют авторы исторических романов (Д. Мережковский, В. Иванов, В. Пиккуль). Польское *Hagryci* в большей степени относится к концептополно 'мусульмане', 'иноверцы' (как в западноевропейских языках).

В украинском «агарянин, агаряньский» (также устаревшее) — 'магометанский; турецкий': *А в турецьку землю агаряньську Без кормиг прибило*. (Тарас Шевченко. Невольник).

Семантико-стилистические особенности номинанта концепта в болгарском языке заключаются в том, что слово (по вполне объяснимым причинам) имеет сниженную окраску: *презрит*. Турчин, нехристианин. (*Агарянци, синко, врагове божи*. Иван Вазов. Под иго).

Неисчерпаемая смысловоемкость рассмотренной прецедентной ситуации позволяет предположить наличие в ней латентных смысловых квантов и наноквантов, которые могут актуализироваться в соответствии с художественными задачами писателя, потребностями говорящих на разных языках и социума в целом.

Понятие удачи как база для расширения фразеологии в современных русском и польском языках

Е. В. Петрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Концепт, «удача», русский язык, польский язык, фразеологический оборот

Summary. The paper is devoted to expansion of phraseological units connected with the concept of luck in contemporary Polish and Russian.

Доклад посвящен анализу основных лексических и фразеологических единиц, составляющих концепты *удача* и *potyśność* 'удача' в современных русском и польском языках, и особенностям их восприятия.

Концепт рассматривается, как неотъемлемая принадлежность ментального мира человека, а фразеологизмы тематического круга *удача* анализируются как одно из средств его формирования.

В докладе предлагается рассмотрение современных представлений об удаче везении и успехе как первоплановых жизненных приоритетах в современном мире на материале фразеологизмов данного тематического круга.

Обращается внимание на то, что понятие удачи воспринимается как важное и актуальное во всех сферах жизни каждого человека. Современный человек хочет быть *удачливым* и *успешным*, *стремление к успеху, удаче во что бы то ни стало* можно назвать девизом современного человека, в том числе в России и в Польше. В предыдущие периоды развития европейской цивилизации *удача* и *успех*, возможно, не рассматривались как самодовлеющий фактор. Современный же представитель европейской цивилизации готов не только быть удачливым, но даже «изобразить» удачливость, так как от этого зависит в немалой степени его положение в обществе. От *неудачливых людей* бегут, чтобы *не заразиться этой неудачливостью*. Современный человек склонен в том числе и исторические личности рассматривать через призму удачливости / неудачливости.

Ярко выраженное стремление к удаче, успеху в определенной мере противоречит старым российским традициям и

традиционным российским ценностям. Традиционный русский интеллигент не был в такой мере как сейчас настроен на удачу и успех, во всяком случае, эти понятия не были для него столь важны.

Для современного человека чрезвычайно важно *не упустить свой шанс / использовать шанс*, чтобы как можно больше *горела звезда его удачи* (польск. *gwiazda potyśności*), чтобы везде для него загорелся *зеленый свет* (польск. *zielone światło*). В современном обществе с уважением относятся к *везучим людям, счастливицам* и *везунчиками* (польск. *szczęściarz, szczęściara*).

Успехи, везение, взлеты, победы, равно как и *неуспехи, невезение, падения, проигрыши* воспринимаются как зависящие от того, *насколько удача благосклонна к человеку, насколько удача ему благоволит*.

Понятие удачи является благодатной почвой для формирования новых фразеологических единиц за счет чрезвычайной актуальности в современном мире, что вытекает из их анализа в близкородственных русском и польском языках.

В докладе прослеживается эволюция понятия удачи, специфические пути его выделения из понятия *счастья* в каждом из рассматриваемых языков, формирование лексических и фразеологических единиц, составляющих в этих языках концепты *удача* и *potyśność*. Предлагается в тематических фразеологических словарях выделять в отдельный тематический блок фразеологизмы, образованные на основе понятия удачи в связи с его особой актуальностью для современного человека.

Чов(ј)ек и људи —

две јединице у суплетивном односу или два категоријално различита појма

Ј. Радић

Институт за српски језик САНУ (Београд, Србија)

Општесловенске лексеме *човек* и *људи* у граматографији и лексикографији словенских језика уобичајено бивају представљене као речи у суплетивном односу. У српској лексикографији је уобичајена појава да се одредница *људи* граматички (и семантички) квалификује као „супл. мн. од човек“, или само „мн. од човек“. Сама по себи, таква квалификација ослобађа лексикографе потребе да се баве трагањем за разликама између *чов(ј)ек* и *људи*: уз *људи* по правилу наводи само илустрација другостепеног значења те лексеме („назив слова *л* у црквенословенској азбуци“), док се основно значење „форме“ *људи* не илуструје ниједним примером. Примери употребе те именице се наводе заједно (помешано) са *чов(ј)ек*, при чему се не запажа да ове именице у српском језику имају битно различиту примену (нека „значења“, тј. неки смислови доступни именици *чов(ј)ек* су недоступни именици *људи*, и обрнуто), и да се разликују у свим димензијама семјозе: семантичкој, синтактичкој и прагматичкој.

Ослањајући се на ситуацију у српском језику, који се из породице словенских језика издваја по томе што је његовој именици *чов(ј)ек* недоступна употреба у множини, у раду ћемо образложити тезу да су *људи* и *чов(ј)ек* два категоријално различита појма: по својој природи (по природи свога предмета), појам *чов(ј)ек* је тзв. „бивство“ (као *коњ, бреза, бог*), док појам *људи* спада у квантитете

(као *број, говор*). Постављајући ту разлику, ослањамо се на наше разумевање класичне (Аристотелове) категоризације појмова, где јасно препознајемо четири, а не десет категорија појмова, тј. „родова бића као бића“ (*οὐσία — бивство / супстанција, τὸ ποσόν — квантитети, τὸ πρὸς τι — релативи и τὸ ποῖόν — квалитети*), као и на разлику између тзв. „једноделница“ (тип *вода — кап воде* је 'вода') и „разноделница“ (однос дела према целини типа *нога — човек / лав... / сто*). Са овим пољедњим су, у једном смислу (као „разноделнице“), повезани и квантитети типа *број, говор* и *људи*. У анализи ћемо се ослањати и на разлику између *ко — шта*, коју разумевамо као израз највише разлике постављене у свету, тј. као првопостављену разлику између противуречних опозита 'људско' (/ 'оно што се зна као једно по себи') — 'не-људско' (/ 'оно што се опажа / зна као једно по „твари“, или једно / једнако по „облику“). При свему овом ћемо се ослањати и на општепознату појаву да се са *човек* означава 1–4 човека (један човек и мали број људи), док се скуп људских јединки у броју већем од четири означава са *људи*.

Смисленост овако (појмовно-језички) усмерених истраживања налазимо у томе што верујемо да би таква истраживања омогућила да наука о језику почне давати одговоре на питања типа *зашто*, а не само на она типа *како*, тј. да граматика престане бити чиста граматографија, те да бар у некој мери буде и „граматологија“.

Перцептивная метафора в рекламном дискурсе: лингвокогнитивный и коммуникативный аспекты

Ф. Г. Самигулина

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Перцептивная метафора, синестетическая метафора, воздействие

Summary. The thesis work explores the lingua-cognitive approach to the discourse analyze at the examples or using of the perceptive metaphors in the advertising communication.

Как известно, развитие различных средств массовой коммуникации сопровождается постоянным поиском приемов и средств, которые обеспечили бы наиболее эффективное воздействие на человека. К их числу можно отнести и метафоры, построенные с учетом специфики функционирования такого когнитивного процесса, как ощущение. Они суггестивны по своей природе, так как в качестве экспрессивных элементов сообщения способствуют оптимальной передаче содержания, служат реализации определенных психологических целей — привлечь внимание к рекламному слогану, улучшить его восприятие и последующее запоминание. Всё это обуславливает актуальность исследования особенностей функционирования в рекламной коммуникации перцептивных метафор, апеллирующих к эмоциональному мышлению, выступающему в качестве первичного допонятийного этапа переработки информации.

В современном рекламном дискурсе активно используются как одномодальные, так и полимодальные перцептивные метафоры. Как известно, одномодальный образ (визуальный, аудиальный, кинестетический) базируется на ощущениях человека в пределах одной анализаторной системы, когда активизируется только один вид ощущений. По нашим наблюдениям, в рекламном сообщении чаще всего используется воздействие в рамках кинестетической модальности. Это может быть актуализация вкусовых ощущений: *Сочные проценты* (реклама банка); *Вкуснее цен нет* (реклама автомобиля MINI) или тактильных, как в слогане канцелярских товаров Erich Krause — *Работа, приятная на ощупь*. Подчеркнем, что психофизиологи среди выделенных модальностей наиболее значимой и актуальной для человека признают кинестетическую, что может быть обусловлено ее более ранним происхождением в эволюционном отношении. Возможно, это и объясняет продуктивность перцептивных метафор, построенных на ее основе: *Философия сладкой жизни* (реклама сети кофеен Шоколадница); *Прикосновение природы* (реклама шампуня). Менее востребованной в рекламном дискурсе оказывается аудиальная модальность, например: *Они мурлычат так тихо* (реклама бытовых насосов). Это связано с тем, что декодирование подобного слогана происходит скорее на сознательном, а не на подсознательном уровне, что ведет к потере эмоциональности в плане восприятия. К такого же рода непродуктивной модальности относится обонятельная: *Аромат домашнего уюта* (реклама освежителей воздуха). Возможно, рекламисты избегают описания определенных запахов, из-за сложности вербализации процесса обоняния. Кроме того, как считают психофизиологи, человеческие анализаторы запахов очень слабы. Это также связано с особенностями перцептивной сферы человека, которая менее всего в своей когнитивной и эмоциональной деятельности опирается на обоняние. Подчеркнем, что два вида модальностей, которые относятся к кинестетическим, являются ведущими, и это связано с тем, что кинестетика — базовый канал передачи и получения информации, на основе которого выстраиваются даже визуальные образы. Таким образом, из всех репрезентативных систем самой значимой и универсальной представляется кинестетическая (вкусовая и тактильная) модальность, что подтверждает первенство соматического кода в формировании когнитивных и языковых метафор. Данные обстоятельства подтверждают универсальность как самих психических процессов, так и особенностей репрезентации их в коммуникативной деятельности человека.

Наиболее востребованы в рекламной коммуникации полимодальные перцептивные метафоры, или синестетические, основанные на межмодальных связях в системе чувственного отражения, например: *Вкусные цвета* Дёке (реклама производителя красок). Синестетические метафоры привлекают к себе внимание благодаря слиянию различных соощущений: *Сладкие и гладкие* (реклама эпилятора Access Fresh Air); *Бархатный вкус* (пиво «Старый мельник»); *Мягкий взгляд на жизнь* (реклама мягких игрушек). Подобные метафоры служат ярким примером вербализации межсенсорных пересечений, так как они строятся на принципе сложения разных ощущений, апеллирующих к различным сенсорным системам человека. В результате такого синтеза образуются полимодальные метафоры как сочетание двойных, тройных и более ощущений, которые возникают на основе слияния образов разной модальности. В итоге получается полимодальный образ, который эффективно воздействует на эмоции. Поэтому метафоры, построенные на таком качестве ощущений, как синестезия, обладают яркими экспрессивными свойствами. В свою очередь, экспрессивность и эмоциональность — важные категории, лежащие в основе манипулятивно нагруженных рекламных сообщений. Заметим, что, как и в любом ином манипулятивном послании, при помощи подобных метафор транслируется двойное сообщение: явное и скрытое. При этом одно из них воздействует на потребности объекта манипуляции, другое — на эмоциональную сферу. Перенос значения в синестетической метафоре осуществляется с переходом в иную модальность, что придает им столь необычный характер. В данном случае реализуется и такой прием, как обманутое ожидание. Неожиданное сочетание разных модальностей в синестетической метафоре является семантическим элементом малой вероятности, например: *Попробуйте каштан... на цвет!* (краска для волос Recinal Preference). Полимодальная перцептивная метафора достаточно необычна для нашего левополушарного «линейного» мышления. Правополушарный образ, созданный на взаимодействии ощущений разных модальностей, передает большее количество информации. Тем самым, в слове реализуется не только основное лексическое значение, но и передается новая дополнительная информация, которая и воздействует на адресата сообщения: *Истина вкуса — в одно касание* (реклама газовой плиты). Как и любая другая, перцептивная метафора служит орудием мысли, с помощью которого нам удается достигнуть самых удаленных участков концептуального поля. Причем новые смыслы в перцептивной метафоре могут возникать за счет обыгрывания фигурно-фоновых отношений. Так, абстрактное значение может переводиться при помощи контекста в конкретное: *Нежность CLEANELLY — касается только меня!* (реклама полотенца). В данном случае лексема *касается* в сочетании *касается только меня* за счет указания на рекламируемый товар (полотенце) реализует свое конкретное значение ('касается только моей кожи').

Подводя итоги, отметим, что перцептивные метафоры, включающие в себя самые различные соощущения, как изобразительное экспрессивное средство активно используются в современной рекламной коммуникации. При этом в качестве наиболее продуктивных можно выделить двухкомпонентные полимодальные перцептивные метафоры. Подобного рода метафоры позволяют эффективно передать нужный рекламисту смысл сообщения, выделяя и усиливая положительные качества рекламируемого товара.

Русский культурный сценарий: ПОКОРНОСТЬ

Н. В. Семёнова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Россия)

Лексикология, история языка, лингвокультурный анализ

Summary. The paper is devoted to the analysis of the lexeme “OBEDIENCE” in the linguistic-cultural aspect. The history of the appearance of this lexeme in the lexical-semantic system of the Russian literary language is thoroughly characterized. The lexeme “obedience” is investigated in the rank of the vocabulary of “self-certification”.

1. Исследователи полагают, что русский человек в самооценке склонен к некой «экстремальности»: он либо завышает, либо занижает оценку собственного поведения, ср. не просто *достоинство*, но *честь*, не просто *смирение*, а *самоуничижение*, *самоумаление* [Санников 2006].

2. Яркими представителями самооценок в русской языковой картине мира является пара лексем *смирение* — *гордость*. Слова эти пришли в русскую бытовую речь из церковно-религиозного обихода, где традиция их употребления всегда была строго регламентирована: *смирение* — это безусловно «хорошо», *гордость* — безусловно «плохо». Однако в советское время, перейдя в обиходную речь русского человека, стёрли свою резкую «полярность».

3. Относительность прежних строгих этических норм последовательно отражается в наивной этике. Наивная — народная — этика, вообще, не так категорична в нравственных оценках, полагает Е. В. Верещагин. «Вопреки распространённому мнению», считает он, эти нравственные оценки здесь «не сводятся к экстремальным (т. е. *парным*) номинациям, а составляют *триады*, причём срединный элемент в триаде — не нейтрален, а скорее тяготеет к одобряемому умонастроению и поведению. Соответственно добро и зло — асимметричны, и этическое благо, возвышаясь градуально и переходя, по мере накопления количества в новое качество, — расчленимо на должное и сверхдолжное» [Верещагин 2000: 235].

4. Подобная нравственная триада обнаруживается и в сфере самооценок. Крайними её «элементами» мы должны признать *гордость* и *смирение*. Наличие большого количества положительно коннотированных синонимов у лексемы *смирение* позволяет утверждать, что *смирение* — это именно *положительная* самооценка в русской языковой картине мира. И именно она допускает градацию, ср. *кротость* и *смирение*.

5. Если бы мы попытались выяснить, какова общая поведенческая основа у *смирения* и *кротости*, то мы должны были бы ответить одним словом — *покорность*. В случае *смирения* — это сознательная покорность Высшей воле, в случае *кротости* — природная. Русское языковое сознание довольно чётко «схватывает» эту особенность. Во всех словарных определениях *смирения*, *смирённого*, *кротости*, *кроткого* встречаются лексемы *покорность*, *покорный*.

6. Лексический ряд с корнем *покор-* мы обнаруживаем ещё в старославянском языке. Большой «Словарь старославянского языка» фиксирует 7 лексем, «утверждающих» называемое корнем *покор-* свойство: *покорева*, *покоривъ*, *покорливъ*, *покорити*, *покоръ*, *покарати / покарати сѧ*, *покорникъ*. Все эти лексемы находятся в семантической области, имеющей непосредственное отношение к *подчинению* и *покорению*. Лексем с корнем (сѧ)мѣр-, прямо называющих свойство быть *смирённым*, *униженным*, больше — 11: *сѧмѣрити*, *сѧмѣрникъ* (*сѧмѣрникъ*), *сѧмѣрно* — *сѧмѣрнъ*, *сѧмѣрати*, *сѧмѣрникъ*, *сѧмѣрно* — *сѧмѣрно*, *сѧмѣрномъдростикъ*, *сѧмѣрномъдростество*, *сѧмѣрномъдроствикъ*, *сѧмѣрнъ* — *сѧмѣрнъ*, *вѣрити*.

Собственно же русский материал даёт иные сведения. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует соответственно 24 и 22 лексемы. Иначе говоря, словарные данные свидетельствуют о том, что, в древнерусском языке (XI–XIV вв.) и последующий старорусский период вплоть до великорусского (т. е. до XVIII в.) количество лексем с корнем *покор-* более чем утраивается.

7. Лексема *покорный* функционировала в русском языке уже в древнерусский период (лексема *покорность* словарь

датирует XVII в.). Однако ей значительную конкуренцию составляли «старославянские прародители» *покоривъ* и *покорливъ*. Они имели более широкое хождение. В старославянском языке они были практически абсолютными синонимами и имели одно значение, примерно соответствующее толкованию ‘малозначительный, униженный, послушный, уступчивый, скромный, робкий, смиренный’ и т. п. Единственное значение прилагательное *покоривый* сохраняет и в древнерусском языке, но у лексемы *покорливый* значение расширяется. По данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», *покорливый* имеет уже три значения: первое совпадает со старославянским, второе толкуется как ‘способствующий покорности, смирению, заставляющий повиноваться’, третье — ‘убедительный, заставляющий подчиниться убедительным доводам’. «Материалы» И. И. Срезневского [Срезневский 1989] для *покорливого* указывают только одно значение, а именно: ‘ведущий ко смирению’.

8. По данным Н. Д. Орловой, прилагательные, образованные с помощью суффикса *-лив*, в истории русского языка развили общее словообразовательное значение «*склонный, способный к действию, названному мотивирующей основой*» (ср. например: «ненавистливый» — склонный к ненависти, «запретливый» — склонный запрещать, «цитатливый» — склонный много цитировать [Орлова 1984]. Учитывая славянскую историю слов *покоръ / покора*, безусловно, послуживших мотивирующей основой, можно не без оснований предположить, что прилагательное *покорливый*, широко распространённое в языке Древней Руси, обозначало самооценку человека, *имевшего склонность к смирению*, но ещё не достигшего его, не обладавшего *смирением* как свойством характера. Этот тонкий языковой нюанс, возможно, объясняет своеобразную конкуренцию в языке донационального периода двух однокоренных прилагательных: *покорливого* и *покорного*. Лексема *покорный* акцентирует уже совсем другой семантический компонент, чем *покорливый*, — не *самоподчинение* (как «склонность к»), а подчинение под влиянием посторонней силы. Таким образом, если значения прилагательного *покорливый* дают основания говорить о *добровольном* подчинении, то семантика прилагательного *покорный* такую трактовку исключает: в языке XI–XVII вв. *покорный* — это: 1) покорный, послушный, *подчиняющийся чьей-либо власти*; 2) (с XVI в.) выражающий покорность, смирение; почтительный.

9. Отличие *покорности* и *покорного* от *смирения*, *смирённого* и *кротости*, *кроткого* заключается в том, что это *вынужденный* отказ от своей «самости». Об этом свидетельствует и этимология слова, и современные дефиниции в толковых словарях. Русский человек поставил в качестве «срединного элемента» этической триады самооценок именно *покорность*, потому что «кодируемый» культурный сценарий, стоящий за этим словом, оказался наиболее ему близок и понятен.

Литература

- Верещагин Е. М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 235–245.
Орлова Н. Д. Словообразовательная синонимия отлагательных прилагательных в истории русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1984.
Санников А. В. Самооценка человека в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1890–1912; Репринтное издание: М., 1989.

Особенности изображения эмоциональной оценки в русской языковой картине мира

О. А. Сеничева

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Эмоция, оценка, языковая картина мира, И. Ильф, Е. Петров

Summary. The research is devoted to the analysis of the peculiarities of emotive evaluation in the Russian linguistic model of the world. The lexical and phraseological nominations of emotions as the result of linguocreative process of particular speaker in I. Ilf and E. Petrov's works have been deduced.

Изучение оценки как проявление эмотивности языка представляется нам **актуальным**. Любая концептосфера лингвистически объективирована различными языковыми техниками — прямыми, вторичными и косвенными типами номинаций. Эмоциональная концептосфера знаково оформлена преимущественно вторичной и косвенной номинациями (метафора, метонимия, функциональные переносы).

Цель исследования — выявить особенности изображения эмоциональной оценки в русской языковой картине мира. **Материалом** для анализа послужили эмоциональные эпистемы, используемые в тексте «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова.

Индивидуально-авторская символизация эмоций — результат лингвокреативного процесса конкретной языковой личности. Анализируя эмоции, приоритетным является их коллективное, общенациональное употребление, их узуальное использование.

Средства выражения эмоций разноуровневны. Как правило, на современном этапе развития языков эмоции вербализуются вторичными и косвенными способами номинации. К вербальным способам выражения эмоциональной оценки исследователи относят лексические, фразеологические, грамматические, стилистические, изобразительно-выразительные средства, а также речевые интонации. Лексические и фразеологические номинации эмоций в коммуникативной деятельности человека используются более продуктивно и регулярно, что объясняется их высоким экспрессивным потенциалом. В лексикографических источниках лексические средства языка определяются как важный инструмент формирования и развития феномена эмоциональной оценки.

У И. Ильфа и Е. Петрова преобладает как лексика положительных эмоций, так и лексика, выражающая отрицательную оценку называемых понятий.

Лексические средства выражения эмоциональной оценки у писателей наиболее продуктивно представлены **эпитетами**, содержащими экспрессивную характеристику предмета речи, прилагаемую к наименованию последнего:

1. *Под все мелкие изобретения муравьиного мира подводится гранитная база «коммунистической» идеологии;*

2. *Статистика знает все;*

3. *Финансовая пропасть — самая глубокая из всех пропастей, в нее можно падать всю жизнь* [Ильф, Петров: 42] (отрицательная оценка).

По семантическому параметру более часто употребляются эпитеты цветковые (*золотые волосы, лазурное платье*), оценочные (*серебряный век, золотой век*), а также эпитеты, дающие психологическую, поведенческую, портретную характеристику лица либо характеризующие объекты по форме, размеру и т. д.

Ярким приемом создания комического эффекта является пародия. В «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова в качестве объекта пародии нередко выступают реалии канцелярско-бюрократической системы, различного рода штампы, порождённые советской эпохой:

С Октябрьского вокзала выскакивает полуответственный работник с портфелем из дивной свиной кожи. Он приехал из Ленинграда по делам увязки, согласования и конкретного охвата [Ильф, Петров: 112].

В тексте дается оценка (пародируется) неопределённому наименованию должности, распространённой в советское время — ответственный работник. Эмоциональная оценка отмечается и в пародийных советских плакатах:

1. *Тщательно пережевывай пищу, ты помогаешь обществу* [Ильф, Петров: 67];

2. *Духовой оркестр — путь к коллективному творчеству* [Ильф, Петров: 89].

Использование авторами эпитетов с конкретными определяемыми создает **устойчивые сочетания**. Такие сочетания постепенно фразеологизируются:

1. *Абсолютно не на чем со вкусом посидеть* [Ильф, Петров: 167];

2. *Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения* [Ильф, Петров: 63];

3. *Статистика знает все* [Ильф, Петров: 94];

4. *Чем меньше город, тем длиннее приветственные речи* [Ильф, Петров: 17];

5. *Все талантливые пишут разное, все бездарные — одинаково и даже одним почерком* [Ильф, Петров: 60].

Особую оценочную роль у И. Ильфа и Е. Петрова играют **фразеологизмы-эллипсы**. Их эстетический эффект связан с тем, что устойчивое словосочетание характеризуется целостной воспроизводимостью:

Кому же еще взять бразды над всей губернией? (ср.: *бразды правления*) [Ильф, Петров: 306].

Метонимии (переименование) как средство лексической вербализации эмоций у И. Ильфа и Е. Петрова получают переносный смысл на основании смежности этих предметов или явлений:

1. *Ипполит Матвеевич машинально разворотил обивку и целых полчаса просидел, не выпуская стула из цепких ног* [Ильф, Петров: 142] (ср.: цепких рук);

2. *Он не любил, когда пресса поднимала вой вокруг его имени* [Ильф, Петров: 231] (ср.: поднимала шум);

3. *Когда его снимали, он пел лирическим приятности голосом...* [Ильф, Петров: 68] (ср.: не лирическим приятности голосом).

Распространённым приемом создания эмоционального комического-оценочного эффекта в романе является переносное употребление **слов различных стилистических пластов**. Лексике разговорной свойственна преимущественно непринужденность речи:

Нимфа, туды ее в качель, разве товар дает? — смутно молвил гробовой мастер. — Разве ж она может покупателя удовлетворить? Гроб — он одного лесу сколько требуется... [Ильф, Петров: 28] (с оттенком неодобрительности, пренебрежения).

Здесь оценка имеет отрицательное значение. Для описания быта героев авторы используют обиходно-разговорную речь. Некоторые эмоциональные эпистемы у И. Ильфа и Е. Петрова приближаются к бранным словам. Ненормированная лексика в речи главных героев романа служит показателем их умственных способностей. Так, в речи Остапа Бендера ненормативная лексика почти не встречается. Лишь в минуты крайнего раздражения он использует жаргон. Тогда как у Паниковского на протяжении романа встречаются почти все виды ненормативной речи. У второстепенных персонажей ненормированная лексика служит для передачи их характеристик. Речь крестьян переполнена диалектизмами, а речь шофера — профессионализмами и жаргонизмами. При анализе использования ненормированной лексики каждого персонажа можно прийти к выводу о его образовании, социальном положении, профессиональных навыках:

1. — *Ни хрена себе, — хрипло, со сна, сказала девочка и, с трудом поднявшись, выдоила из бутылки последний глоток*

ток и отправилась к окну, чтобы как-то прыгнуть [Ильф, Петров: 187];

2. *Хорош, кусаться, падлы* [Ильф, Петров: 93].

Использование просторечной лексики дает возможность читателю глубже понять смысл происходящего и выражает отрицательную оценку героя.

Таким образом, через эмотивные нестандартные словосочетания у И. Ильфа и Е. Петрова: эксплицируются различные фрагменты их эмоционально-оценочной картины мира

(юмористический, иронический и сатирический); проявляются философско-эстетический, психологический и коммуникативно-прагматический аспекты; выражаются социализирующая, эвристическая и креативная функции эмоциональной оценки.

Литература

Ильф И., Петров Е. Полное собрание сочинений [Электронный ресурс: <http://www.litra.ru/fullwork/get/woid/>].

Этнокультурные аспекты славянских аксиологических концептов

Л. А. Сергеева

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

Ценностная картина мира, аксиологические концепты, аксиологическая интерпретация, оценочная лексика

Summary. The paper covers problems of verbalizing valuable concepts and objectivizing national content of preverbal meaning in Slavonic Languages.

Обращение к языковой картине мира в современной лингвистике не случайно: оно открывает новые возможности для изучения языковой семантики вообще и оценочных значений в частности. В ценностной картине мира как части его концептуальной картины наиболее ярко отражаются специфические черты национального менталитета и ценностные ориентации социума. В ней существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, этнокультурные константы, совокупность которых и определяет тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый языком. В ценностной картине мира есть общечеловеческая и специфическая (этнокультурная) части. Специфическая часть сводится в основном к различию в оценочной квалификации объектов и их признаков. Так, например, в германской культуре *горячее* оценивается как неприятное, в то время как славяне дают аналогичную оценку *холодному*. То же самое можно сказать о комбинаторике ценностей: в частности, в романском и германском языковом сознании тесно связаны понятия «польза» и «красота», в то время как в русском эта связь вообще отсутствует, о чем неоднократно писали русские философы, культурологи и лингвисты. В чешском языке утилитарные критерии эстетических оценок представлены более широко, чем в других славянских языках, что объясняется наличием общего для чехов и немцев этнокультурного пространства. Например, по-чешки можно сказать не только *hodný plat* 'хорошая зарплата', но и *hodná dívka*, *hodné dítě*. Ср. также чешск. *byť hodný na koho*, польск. *odnosić się do kogoś dobrze* и русск. *хорошо относиться к кому-л.* Далее, в германской культуре человек и его моральные качества оцениваются с позиций разума, сознания, реже — чувства. Этот «ген» германской культуры сохраняется чешский язык, в котором, например, бездушный человек именуется бесчувственным (*bezcitný*), ср. польск. *bezduszny*, болг. *бездушен, безсърдечен*.

Центральный концепт «ценность» также имеет неодинаковую репрезентацию. Если в русском, болгарском и польском языках он вербализован одной лексемой (*ценность, ценность и wartość*), которая обозначает и биологические, и утилитарные, и социальные (в частности моральные), ценности, то, например, в чешском языке ему соответствуют три разных концепта, вербализованных ключевыми словами *cnennost, hodnota* и *cena*.

Неодинаковую объективацию получают общеоценочные смыслы «хороший» / «плохой». Во-первых, неодинаковы уже внутренние формы ключевых лексем, ср.: *хороший* — *плохой*, польск. *dobry* — *zły*, *maru*, чешск. *dobry* — *zlý*, болг. *добър*, *хубав* — *лош*, вследствие чего различия наблюдаются и на уровне их семантического варьирования. Так, чешская лексема *plochý* сохраняет этимологическое значение 'плоский; пустой, поверхностный' и не является ключевой лексемой концепта. Значения русского слова *хороший* «распределены» между чешскими словами *hodný, laskavý, pěkný, hezký, slušný* и болгарскими лексемами *добър* и *хубав*. Далее, ключевые лексемы в славянских языках имеют разные деривационные возможности: в русском языке отсутствует

однокоренное с лексемой *хороший* имя существительное в то время как в других языках оно имеется (ср. русск. уст. *Нет худа без добра, а добра без худа*). Наконец, во всех славянских языках отражается процесс аспектизации общей оценки, т. е. ее переход в частные виды оценок. Однако если в чешском языке преобладают значения утилитарной и эстетической оценки, то в русском и польском — этической и эстетической (для сравнения: в германском английском языке преобладают значения, имеющие утилитарные смыслы).

Вместе с тем ценностные картины мира у славянских народов обнаруживают значительное сходство, и этот факт находит подтверждение в языковой семантике. Язык изменяется медленнее, чем научные знания и культурные парадигмы, вследствие чего он отражает не только современные знания, но и архаическую картину мира. Так, «аксиологическая память» славянских языков сохраняет связь оценочной лексики с прототипическими для оценки ситуациями нанесения вреда и купли-продажи (Л. А. Сергеева), ср. русск. *плохо (вредно) для здоровья, стать совсем плохим* (о больном), чешск. *špatný zvuk* 'вредная (плохая) привычка' и т. п. Общими для славянского языкового сознания являются некоторые аксиологические архетипы. Например, слова с отрицанием в славянских языках часто выражают отрицательную оценку. Этот факт получает в современной науке неоднозначное объяснение, в частности, существует мнение, что он обусловлен действием славянского аксиологического архетипа «отрицательное — отрицательно» (В. В. Колесов). Древним аксиологическим архетипом является также архетип «свой» — «чужой». *Чужой* в славянском (и не только в славянском) языковом сознании оценивается как «враждебный», «отвратительный», «плохой». Производные этого корня как в русском, так и в других славянских языках выражают отрицательную оценку или имеют отрицательные коннотации, ср. русск. *чуждый, чужбина, отчуждение*, болг. *чужд* (*чужд элемент*), чешск. *cizoložník* 'неверный муж, прелюбодей' и т. п.

В славянских языковых картинах мира также обнаруживается сходство в аксиологической интерпретации первичных ментальных категорий, таких как пространство и количество и др. Так, значимыми для аксиологических концептов являются архетипические ориентационные противопоставления «верх — низ», «левый — правый», «прямой — кривой» и некоторые другие, что проявляется в наличии оценочных коннотаций у лексем *низкий, высокий, мало*. Ср. также чешск. *nizký* 'подлый', *mizerný nálada* 'плохое настроение', польск. *malowartościowy* 'малоценный' русск. *низкопробный, малодушие* и т. п.

Таким образом, в аксиологических концептах имеется общая часть, которая передается из поколения в поколение родственными языками, имеющими одинаковые «культурные гены», и представлены концептуальные различия, которые обусловлены целым рядом факторов, среди них главными являются наличие общего этнокультурного пространства (в частности для чехов и немцев) и интерпретативный характер языковой семантики.

Особенности изображения надличностного характера смеха в украинской и русской языковых картинах мира: сопоставительный аспект (на материале произведений В. Винниченко и В. Набокова)

А. М. Сердюк

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Эмоция, эмотивность, смех, надличностный характер эмоций

Summary. The research is devoted to the problem of emotiveness of the Ukrainian and Russian languages in comparative aspect. Special importance has been given to the national peculiarities of above-personal character of laugh.

Изучение эмотивности языка представляется нам актуальным в свете антропоцентризма современной парадигмы. Общеизвестно, что смех имеет личностную природу, так как издается человеком. Об этом свидетельствуют и данные лексикографических источников. Ключевое слово *смех* толкуется как «прерывистые горловые звуки, вызываемые короткими выдыхательными движениями при проявлении веселья, радости, удовольствия и т. п.» [БТС 2006: 1217]. Глагол *смеяться* детерминируется следующим образом: «<...> издавать смех. <...> Выражать веселость (о глазах, лице и т. п.)» [БТС 2006: 1218]. Аналогичным образом определяются и украинские корреляты. Ср.: *смій* — «переривчасті, характерні звуки, які утворюються короткими видихальними рухами, як вияв радості, задоволення, нервового збудження і т. ін.» [НТСУМ 1998: 280], а *сміятися* — «видавати смій від веселощів, радості, нервового збудження» [НТСУМ 1998: 282].

Анализ языка писателей показывает, что, с другой стороны, смеху может быть присущ и надличностный характер. Поскольку смех как демонстрация эмоций присущ любому этносу, то и в проявлениях его надличностного характера, безусловно, будет немало изоморфизмов. Но, с другой стороны, факторы, способные вызвать смех, могут быть тесно связаны с национальным менталитетом. Кроме того, на способности вербализации могут влиять и особенности авторского стиля. Именно национальная и индивидуально-авторская специфика надличностного характера смеха и стала предметом нашего исследования. Источниками иллюстративного материала мы выбрали произведения представителей украинского и русского зарубежья — В. Винниченко и В. Набокова.

В исследуемых текстах нами зафиксирован ярко выраженный надличностный характер смеха в картинах мира писателей, т. е. четко просматривается его двойственная природа: с одной стороны, смех издается человеком, а с другой — он имеет власть над ним. Вербализаторы смеха метафоризируются и ведут себя так, как человек или как природные явления.

Смех в картинах писателей может осуществлять следующие действия над человеком: 1) вырваться из него: *смій так і виривався у його з грудей, розкочуючись по них, як живе срібло* [Винниченко 1989: 209]; *Ха-ха-ха! — раптом виривається у Гликерії з грудей злісної, дзвінкий від цієї злості смій* [Винниченко 1989: 226]; *Смех нарешті вивался* [Набоков 2007а: 264]; 2) изменять его лицо. Следует отметить различный аксиологический потенциал данных контекстов. У В. Винниченко улыбка украшает лицо: *і з тою ласкавою усмішкою на устах, яка робила її серйозне і строге лице зразу добрим і тихим* [Винниченко 1989: 153]. И, напротив, у В. Набокова она его искажает: *я почув, що сквозь саму цю гримасу, искажавицю мне рот, усмешечка из Достоевського брезжит, как далекая и ужасная заря* [Набоков 2009: 93].

В остальных случаях нами не зафиксированы совпадения в данной группе контекстов. В украинском языке смех: 1) лется: *силкуючись здержати щасливу усмішку, що проти волі розливалась по всім його лиці* [Винниченко 1989: 218]; 2) играет: *на устах заграла радісна посмішка* [Винниченко 1989: 363]; 3) испытывает человеческие эмоции: *щас-*

ливий смій мов прохав вибачення за своє щастя, мов соромився за його [Винниченко 1989: 181].

В русском языке смех может: 1) хватать человека: *его бы, может быть, прежде всего охватил гомерический смех* [Набоков 2007б: 12]; 2) душить: *чтобы как-нибудь удержать смех, душивший его* [Набоков 2007а: 263]; 3) разрывать, распырять: *смех, <...> разрывающий ноздри, расширяющий живот* [Набоков 2007а: 263].

В другой группе контекстов мы рассматриваем случаи результатов воздействия смеха на человека.

Общим для двух авторов является то, что в их картинах мира от смеха человек может: 1) трепетать, трястись: *зуби тріпотіли такою усмішкою* [Винниченко 1989: 476]; *Пильно, з легким тріпотінням зуб від сміху, мовчки подивилась* [Винниченко 1989: 479]; *«Не разжимаю зубов, я затрясся от смеха»* [Набоков 2007б: 111]; *Драйер мелко затрепетал от смеха* [Набоков 2007а: 185]; *Я трясся от смеха* [Набоков 2007б: 142]; 2) катиться, шататься или даже падать: *ударив його по плечі Микола, аж хитаючись від сміху* [Винниченко 1989: 209]; *Хлопці так і лягли від сміху* [Винниченко 1989: 508]; *Микола справді засміявся, а Галя аж упала на спину канапи, й навіть сам Фомушка зареготався* [Винниченко 1989: 197]; *и моя медовая дурочка покатывалась со смеху* [Набоков 2007а: 206]; *Катался со смеху, когда она ему призналась* [Набоков 2009: 357].

Что касается специфического изображения воздействия смеха на человека, то в картине мира В. Винниченко человек от смеха: 1) взрывается: *забувала про свій страх і вибухала голосним дитячим сміхом* [Винниченко 1989: 264]; 2) освещается: *Іноді раптом весь освітлявся дивною посмішкою* [Винниченко 1989: 513].

У В. Набокова спектр воздействий смеха на субъект является более широким; человек может: 1) слабеть: *она на мгновение поникла, ослабев от смеха* [Набоков 2009: 304]; 2) давиться: *сказал Франц, давась от смеха* [Набоков 2007а: 136]; 3) поперхнуться, захлебнуться: *сказала она, поперхнувшись смехом* [Набоков 2009: 159]; *сказала Марта, захлебываясь от смеха* [Набоков 2007а: 257]; 4) стонать: *помню, как она стонала от смеха* [Набоков 2009: 336]; 5) прыскать: *«тотчас прыснула со смеху и склонила лицо»* [Набоков 2008: 69]; 6) и даже умирать: *стоял Драйер и, помирая со смеху, <...> указывал пальцем на Марту* [Набоков 2007а: 144].

Результаты лингвистического анализа показывают, что смех в языке писателей имеет интенсивный надличностный характер. Особенностью стиля В. Винниченко является тенденция проявления положительных эмоций во время смеха, тогда как у В. Набокова смех чаще совершает негативное воздействие на человека.

Литература

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2006.
 Винниченко В. Краса і сила. К., 1989.
 Набоков В. Король, дама, валет. СПб., 2007 (а).
 Набоков В. Отчаяние. СПб., 2007 (б).
 Набоков В. Соглядатай. СПб., 2008.
 Набоков В. Лолита. СПб., 2009.
 НТСУМ — Новий тлумачний словник української мови: У 4 т. / Укл. В. В. Яременко, О. М. Сліпущко. К., 1998. Т. 4.

Особливості актуалізації концепту ГОСУДАРСТВО в російській мові

І. Д. Стоянова, А. Карпачьова

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (Горловка, Украина)

Концепт, мовна картина світу, семантичний простір концепту, номінант концепту, ціннісний зміст концепту, прототипна модель

Summary. The paper deals with the comprehensive analysis of the concept *STATE* in Russian language. The research is done in the framework of the anthropocentric, functional-cognitive linguistic paradigm and is based on the integrated methodology of cognitive and ethnolinguistic studies. The paper focuses on the semantic structure of the concept under study and means of its verbalization.

Концепт ГОСУДАРСТВО належить до сфери соціального й політичного життя і є дуже важливим для існування та розвитку будь-якої нації, тому ставлення громадян до держави залежить від історичних та політичних традицій того чи іншого етносу. Саме традиції ставлення до держави й фіксуються в мові на різних стратифікаційних рівнях.

Аналіз фактичного матеріалу дозволяє виявити мовні засоби й пояснити особливості вербалізації концепту ГОСУДАРСТВО в російській мовній картині світу. Спираючись на трактування концепту як одиниці свідомості, що відбиває знання та досвід людини, услід за Г. Г. Слишкіним, В. І. Карасиком, розмежовуємо понятійний, образний та ціннісний зміст концепту ГОСУДАРСТВО, співвідносний із компонентами значення номінативних одиниць мови, які вербалізують його в дискурсі.

Понятійно-ціннісний зміст концепту ГОСУДАРСТВО доцільніше розкривати на основі вивчення лексикографічних дефініцій і компонентного аналізу значення імені концепту, членів його синонімічного ряду, їх частиномовних дериватів. Отже, для опису семантики концепту ГОСУДАРСТВО використовуємо дефінітивний аналіз його імені.

На підставі результатів аналізу дефініцій імені концепту за даними російського тлумачного словника (ТСЖВЯ) можна зробити висновок, що семантичний простір концепту ГОСУДАРСТВО в російській мові налічує 2 ознаки: «організація великої соціальної спільноти», «країна, якою керує політична організація».

Аналіз дериваційного потенціалу номінантів концепту ГОСУДАРСТВО дає можливість встановити, що загальні засоби первинної номінації визначеного концепту представлені повнозначними частинами мови, а саме іменниками та дієсловами (рос. государство, империя, страна, правительство, управляют, руководит), а також похідним прикметником (государственный).

Дослідження семантичного змісту дериваційних прикметників, що номінують концепт ГОСУДАРСТВО, дозволило визначити додаткові семантичні ознаки названого концепту, які є актуальними для російської лінгвокультури.

Вивчення мовної реалізації концепту ГОСУДАРСТВО дозволило простежити такі закономірності. У результаті ана-

лізу 221 контекста реалізації цього концепту з'ясовано, що в російській мові концепт ГОСУДАРСТВО репрезентований низкою субстантивних (рос. государство, страна, режим, держава, организация, империя, Россия, партия, власть, система — 10 одиниць), ад'єктивних (государственный, правительственный, партийный — 3 одиниці) та дієслівних (управляют, руководит, властвовать — 3 одиниці) номінацій. На основі номінацій концепту та членів його синонімічного ряду сформовані вільні словосполучення, які також репрезентують зміст концепту: государственный подход, правительственная пресса, партийный курс.

Дослідження синтагматики номінантів концепту ГОСУДАРСТВО в російській мові дало можливість визначити додаткові семантичні ознаки концепту. У результаті контекстуального використання імен концепту ГОСУДАРСТВО зафіксовано такі словосполучення:

– А + N(гос), де А — прикметник, N(гос) — номінант концепту ГОСУДАРСТВО, наприклад: *Единое Государство, новое государство, Советское государство, народное государство, революционное государство, Советская система*;

– N + N(гос), де N — іменник, N(гос) — номінант концепту ГОСУДАРСТВО, наприклад: *директивы партии, идеология режима, политика партии, законы государства*;

– А(гос) + N, де А(гос) — номінант концепту ГОСУДАРСТВО, N — іменник, наприклад: *партийный курс, государственная комиссия, государственный дознаватель, государственный чиновник, государственная мудрость, государственная служба*;

– N(гос) + V, де N(гос) — номінант концепту ГОСУДАРСТВО, V — дієслово, наприклад: *Советская власть не боится сказать, государства жили и властвовали, правительство вычислило и сформировало идеологию*.

Аналіз семантичних ознак імені концепту, синонімів імені концепту та їх частиномовних дериватів дозволяє відтворити структуру семантичного простору концепту

Таким чином, прототипна модель семантичного простору концепту ГОСУДАРСТВО представлено трьома базовими сегментами: СТРАНА, СОЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, аналіз яких потребує більш детального розгляду.

«Сладкие слова» в современных восточнославянских метаязыковых контекстах

Р. А. Трифонов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Харьков, Украина)

Метаязыковой комментарий, лексическое значение слова, коннотация, прецедентность

Summary. The phrase «sweet word» is considered as a metalingual comment. Its relationship with the precedent statement and the tendency to accompany different lexemes are pointed out. This kind of comment is found to emphasize denotative as well as connotative peculiarities of lexical units.

Метаязыковые комментарии довольно активны в современной речи и показательны для языкового сознания эпохи, на что обращают внимание И. Вепрева, Н. Мечковская, Л. Синельникова и другие исследователи (в их работах преобладают термины «метаязыковая рефлексия», «рефлексив»). Изучение этого лингвокогнитивного феномена показывает, что типологически и функционально данный материал весьма неоднороден, следовательно, отдельные типы комментариев, воспроизводимых в различных контекстах, требуют внимательного исследования. Один из комментариев, имеющий устойчивую вербальную форму, но употребляемый по-разному, и рассматривается в этих тезисах на материале интернет-публикаций.

Словосочетание *сладкое слово*, сопровождающее некоторые лексемы, генетически имеет интертекстуальную приро-

ду. Оно восходит к прецедентному высказыванию (ПВ), имени прецедентного феномена — кинофильма о политических метаморфозах в Латинской Америке «Это сладкое слово — свобода!» литовского режиссёра В. Жалакявичюса (1973). Название фильма закрепило связь метаязыкового комментария с одним словом, отразив уже существовавшую в языковой картине мира (ЯКМ) эмоционально-оценочную коннотацию лексемы. Стабильность коннотации и экспрессивность ПВ обеспечили дальнейшее воспроизведение без изменения формы в применении к различным ситуациям: *Это сладкое слово «Свобода»! Ну вот и я в списке некурящих свободных людей!* [31may.org/blog]. Так возникла интертекстуальность с метаязыковым компонентом (ИМК). Усиление экспрессии может достигаться индивидуальным развитием образа: *Таёт сладкое слово «свобода» / Леденцами*

меж сжатых зубов, / И осталась в руках у народа / Горстка фантов от этих дельцов [www.stihi.ru].

ПВ вошло в другие восточнославянские языки и функционирует в них в первичном виде: укр. *Це солодке слово — свобода [...] 175 років тому в Житомирі народився Ярослав Домбровський — майбутній герой трьох народів* [www.ukurier.gov.ua]; белор. *Гэта салодкае слова “свабода” [заголовок] У Камітэце абароны рэпрэсаваных адбылася сустрэча грамадзкіх дзеячоў і былых палітзьявольных зь Мікалаем Аўтуховічам і ягонай дачкой. Сябры павінавалі вязьня з вызваленьнем...* [www.solidarnasc.org]. Поскольку концепт *свобода* является универсальным, но имеет в разных ЯКМ национальную специфику, метаязыковые контексты отражают это: *Це солодке слово “свобода”: на смак українца [...] Автори поставили перед собою надзавдання — знайти відповіді на запитання, чому саме таким чином, як це сталося, відбулась українська незалежність* [dt.ua].

Характерное для современности стремление к трансформациям ПВ, прежде всего с целью достижения высокого уровня экспрессии, в полной мере затронуло исследуемую языковую единицу. И хотя ключевую семантическую и концептуальную роль в исходной ИМК играет слово *свобода*, именно оно подвергается заменам. Объяснить это можно тем, что выражение в целом воспринимается как экспрессива и проектируется на иные концепты в роли их вербализатора. В связи с этим интересным с лингвистической точки зрения представляется вопрос о том, какими оказываются замещающие компоненты и почему именно такими.

1. Используется прямое значение прилагательного, что делает возможными контексты с конкретной вкусовой семантикой: *Это сладкое слово «десерт». Когда мы слышим слово «десерт», мы воображаем нечто очень аппетитное и сладкое. На самом деле, десерт — это более широкое понятие...* [subscribe.ru].

2. Используется переносное значение прилагательного. В таких случаях часто речь идет о положительной эмоционально-экспрессивной характеристике, где интертекстуальность служит именно дополнительной экспрессии: *Це солодке слово — мама...* [rakurs.govno.ua]; *Это сладкое слово SPA* [www.germania-online.ru]; *Это сладкое слово — туризм [...] Отдыхать любят все: кто хочет увидеть памятники старины, кто поплавать в теплом море или затеряться в*

красочной толчее парижского Монмартра, а кто — ловить кайф в ресторанах, пробуя экзотическую еду [www.sudarushka.su]; *Гэтае салодкае слова Свіцязь [заголовок] Гэта месца, дзе рэальнасць пераўзыходзіць чаканні* [nn.by]. В то же время в контекстах такого типа положительная оценка может подвергаться сомнению и опровержению: *Такое ли уж сладкое слово «месть»? [improve-me.ru]*. Прагматически эффективны словоупотребления, в которых «сладость» слова преподносится с позиции «чужого» и становится инструментом иронии: *Это сладкое слово «дербан»* [1k.com.ua]; *Гэтае салодкае слова “сыравіна” [заголовок] Былы намеснік гендырэктара ВА «Хімвалакно» абвінавачваецца ў атрыманні ў якасці хабару больш як 152 тысяч долараў і 101 тысяча нямецкіх марак* [www.zvyazda.minsk.by]. Усиление иронии происходит благодаря наложению на переносное значение оттенка прямого (упомянутой вкусовой семантики): *Это сладкое слово «водка»!* [www.prikol.ru], благодаря чему в высказывании сосуществуют комический антифразис на уровне прямого значения и культурно-стереотипная согласованность в значении переносном.

3. Как показало исследование, весьма распространены субституции еще одного типа, в которых комментируемое слово по своей природе, казалось бы, должно восприниматься как нейтральное в эмоционально-оценочном отношении. Тем не менее особенно часто встречаются в таких случаях новые заимствования: *Это сладкое слово аутсорсинг* [www.aginstaller.com]; *Это сладкое слово — хеджирование* [www.vladimirfx.ru]; *Це солодке слово IPO* [news.finance.ua]. По всей вероятности, здесь на первый план выходит и намеренно акцентируется коннотация, которая оказывается «сильнее» денотативного компонента лексического значения и стилистических свойств комментируемого слова. Семантика новых лексем недостаточно известна широкому кругу говорящих, однако практика их употребления в положительных, «прогрессивных» контекстах формирует вокруг них некий коннотативный ореол, который отчасти отражается, а отчасти иронично осмысливается в трансформированном высказывании. Подобных случаев, неочевидных с точки зрения языковой системы, но зафиксированных в текстах, немало, и они формируют одну из тенденций функционирования рассматриваемого метаязыкового комментария.

Наименования артефактов в словообразовательных гнездах русских имен числительных: лингвокультурологический аспект

В. Г. Фатхутдинова, А. И. Алиакберова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

Лингвокультурология, артефакт, имена числительные, дериват

Summary. The paper deals with the results semantic and linguoculturological analysis of morphological clusters of numerals.

В настоящее время лингвокультурология как активно развивающаяся научная дисциплина исследует не только средства вербализации тех или иных культурно-значимых концептов, но и номинационно-языковые процессы в целом, отражающие специфику формирования лексической системы языка. По мнению Н. Ф. Алефиренко, «назвать» — значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение — значит понять, включить свое сознание; за словом и его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры [Алефиренко 2010: 21].

Механизм накопления и сохранения культурной информации в слове тесно связан с номинацией различных реалий предметно-бытовой сферы, среди которых особый интерес вызывают названия артефактов как культурологически и хронологически маркированные слова. В современных энциклопедических словарях дается следующее определение артефакта (от лат. *artefactum* — искусственно сделанное): 1) предмет, изготовленный, сделанный человеком; 2) процесс или образование, несвойственные изучаемому объекту в норме и возникающие обычно в ходе его исследования.

Наряду с ритуалами, символами и эталонами, ученые относят артефакты к материальным знакам культуры. Артефакт рассматривается в культурологии как элементарная единица при изучении культуры, при этом выявляется его связь с активностью человека и коммуникацией в конкретном обществе. Артефакт позволяет проанализировать процесс замысла, создания и использования искусственных объектов, их главные характеристики и вкладываемый культурный смысл, который изменяется в процессе функционирования [Дик, Дик 2006]. Следовательно, область материальных артефактов конкретной культуры является непосредственной средой бытования того или иного этноса.

Этнолингвистическое осмысление русской культуры невозможно без обращения к словарному составу языка и к процессам образования слов. «...В словообразовательно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения, мирочувствования и мировосприятия» [Вендина 1998: 222]. Поскольку любой язык стремится не только к объективации миропонимания народа, но и консервации его духовно-практической дея-

тельности, то словообразовательно детерминированная лексика, с точки зрения ученого, дает возможность проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком и осознать язык в его глубинной сути. По словам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, вслушаться в состав слова — значит понять его, значит распознать, как отложилось в слове коллективное народное сознание [Верещагин 2005: 356].

Предметом нашего исследования выступили наименования артефактов в лексико-словообразовательных гнездах русских имен числительных. Общеизвестно, что имена числительные представляют собой неординарный класс слов с ярко выраженной национально-культурной коннотацией (особенно во фразеологических единицах и паремиях). Национально-специфическими компонентами смысла и специфической внутренней формой могут обладать и дериваты, образованные от основ количественных числительных. Перейдем к анализу лексического состава словообразовательных гнезд имен числительных с целью выявления его этнолингвистического содержания.

В лексико-словообразовательных гнездах имён числительных нами зафиксированы следующие культурологически маркированные лексические единицы. Так, среди названий артефактов в исследуемых гнездах часто встречаются обозначения одежды: *однорядка* — ‘старинная русская мужская одежда в виде однобортного кафтана без воротника’; ср. другое значение: ‘однорядная гармонь’; *треуголка* — ‘форменная шляпа треугольного фасона’; *треух* — ‘старое название теплой мужской шапки с наушниками и задком’.

Диахронический (ретроспективный) анализ словообразовательного гнезда с исходным словом *три* выявил большое количество обозначений разнообразных предметов, созданных руками человека: *треножник* — ‘1. подставка или столик разного назначения на трех ножках; 2. у древних народов — жертвенник такого вида’; *трезубец* — ‘род старинного оружия в виде жезла с тремя зубцами’; *трехвостка* — ‘плетка с расчлененным натрое концом’; *трехдюймовка* — ‘доска толщиной в три дюйма’; *семилинейка* — ‘керосино-

вая семилинейная лампа’; *вилы-двойчатки* — ‘сельскохозяйственное ручное орудие для подъема, разбрасывания сена, соломы, навоза и пр., состоящее из двух зубьев на длинной рукоятке’; ср. более современные номинации: *трехтонка* — ‘автомашина грузоподъемностью в три тонны’ и *пятитонка* соответственно. Подобные факты номинации демонстрируют своеобразие видения предметов материального мира с позиций русской лингвокультуры, способы концептуализации и особенности ассоциативных связей при их назывании.

Имена числительные *один* — *два* довольно активно выступают в качестве производящих баз при назывании средств передвижения: *одноколка* — ‘легкий двухколесный экипаж’; *двуколка* — ‘двухколесная повозка’; *одноколейка*, *однопутка*, *двухколейка* — ‘одноколейная (двухколейная соответственно) железная дорога’.

Абсолютно прозрачной внутренней формой обладают названия оружия: *одностволка*, *двустволка*, *трехстволка* — ‘одноствольное (двуствольное, трехствольное соответственно) охотничье ружье’; *трехдюймовка* — ‘полевое трехдюймовое оружие’; *шестопер* — ‘старинное ударное оружие в виде жезла с головкой из шести металлических пластин-перьев, употреблявшееся в 15–17 вв.’

Таким образом, лингвокультурологический анализ наименований артефактов в словообразовательных гнездах имен числительных позволил выявить национальную специфику номинативных единиц, обозначающих определенные реалии в материальной культуре и сознании народа.

Литература

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие. М., 2010.
Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998.
Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
Дик П. Ф., Дик Н. Ф. Культурология: Учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону, 2006.

Развитие значения лексемы «школа» в русском языковом сознании

Е. Б. Чернышова

Борисоглебский государственный педагогический институт (Борисоглебск, Россия)

Психоллингвистика, значение слова, экспериментальное исследование

Summary. The report is devoted to the development of the word *school* meaning in the different age language consciousness of Russian speakers. There are all the main types of the semantic changes in the results of experimental investigation. These changes are stipulated by the respondent's psychological and physiological characteristic features.

В современной психоллингвистике применяется динамический подход к исследованию значения слова, при котором изучается не только структура иерархически упорядоченных сем, но и процесс его формирования в сознании носителей языка. Динамический подход к исследованию значения слова как достояния индивида требует применения соответствующих методов анализа и процедур психоллингвистической интерпретации материала.

С целью исследования семантического развития лексемы «школа» в языковом сознании носителей русского языка нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) с испытуемыми различных возрастных групп (старшие дошкольники 5–6 лет, младшие школьники 7–10 лет, учащиеся средних классов 11–14 лет, учащиеся старших классов 15–16 лет, первая молодежная группа 17–22 лет, вторая молодежная группа 23–30 лет, взрослые средней возрастной группы 31–60, взрослые старшей возрастной группы 61 и старше по 100 мужчин и 100 женщин в каждой возрастной группе, всего 1600 ч.).

Опишем исследовательскую процедуру, применяемую нами в ходе изучения развития значения слова как единицы индивидуального сознания.

1. Проведение САЭ со всеми возрастными группами. (Данный эксперимент заключался в следующем: испытуемым предлагалось отреагировать любым пришедшим в голову словом в ответ на слово-стимул «школа»).

2. Построение ассоциативного поля стимула как совокупности реакций на данный стимул, выстроенное от наиболее частотной реакции к наименее частотной. Ассоциативное поле выступало в дальнейшем как исходный языковой материал для описания значения слова. Приведем пример ассоциативного поля, полученного в ходе обработки материала САЭ с младшими школьниками.

Школа (200 ни): *учеба* 42; *учитель*; *учиться*; *хорошая* 11; *где учатся дети* 6; *№ 5*; *умная*; *ученик* 5; *№ 3*; *друзья*; *здание*; *знания*; *ученики* 4; *добрая*; *интересная*; *класс*; *наш второй дом*; *учит*; *я люблю школу* 3; *где учат*; *красивая*; *место для учебы*; *моя*; *получают знания*; *ум*; *уроки*; *школьник* 2; *1 б*; *большая*; *в ней можно научиться всему*; *веселая*; *где мы умными становимся*; *гимназия № 1*; *дары знаний*; *заброшенная*; *замечательная*; *замечательное здание*; *играть*; *идут дети*; *книга*; *когда оценки хорошие*; *любимая*; *много детей*; *мы идем в школу* 1 и другие единичные реакции. Отказов 10.

3. Этап семантической интерпретации. Значения полученных ассоциатов интерпретировались как семантические компоненты (семы) значения слова-стимула. Далее полученные семантические компоненты группировались в семемы (отдельные значения) по общности их денотативной отнесенности.

4. Формулирование психологически реального значения и его полевая стратификация. Результаты данного этапа при-

ведем ниже. Формулировки значений предложены с указанием совокупного индекса яркости. Совокупный индекс яркости (СИЯ) — совокупность количества актуализаций сем данного значения в эксперименте.

Значения лексемы «школа» в сознании старших дошкольников: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 141). 2. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 1). (В эксперименте с данной возрастной группой получено 34 реакции, которые сложно однозначно интерпретировать, поэтому они не учтены в составе значения и не включены в дефиницию слова.)

Значение лексемы «школа» в сознании младших школьников: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 190).

Значения лексемы «школа» в сознании школьников 11–14 лет: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 190). 2. Система общего образования (СИЯ 4).

Значения лексемы «школа» в сознании школьников 15–16 лет: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 193). 2. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 1).

Значения лексемы «школа» в сознании молодежи 17–22 лет: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 157). 2. Определенный этап в жизни человека (СИЯ 23). 3. Система общего образования (СИЯ 1). 4. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 7). 5. Место работы выпускника педагогического вуза (СИЯ 1).

Значения лексемы «школа» в сознании молодежи 23–30 лет: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 169). 2. Определенный этап в жизни человека (СИЯ 13). 3. Приобретение опыта, знаний, выучка (СИЯ 4). 4. Система общего образования (СИЯ 2).

Значения лексемы «школа» в сознании возрастной группы 31–60 лет: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 155). 2. Определенный этап в жизни человека (СИЯ 16). 3. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 7). 4. Приобретение опыта, знаний, выучка (СИЯ 3). 5. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 1).

Значения лексемы «школа» в сознании возрастной группы 61 и старше: 1. Общеобразовательное учебное заведение (СИЯ 166). 2. Учебное заведение, где даются специальные знания, профессиональные навыки (СИЯ 10). 3. Определенный этап в жизни человека (СИЯ 8). 4. Направление, течение в науке (СИЯ 4). 5. Приобретение опыта, знаний, выучка (СИЯ 3). 6. Система общего образования (СИЯ 2).

Таким образом, развитие значения слова «школа» в языковом сознании носителей русского языка представляет собой единый и постепенный процесс. Семантические изменения происходят как по горизонтали, так и по вертикали. Уровень и объем владения значением слова зависит во многом от возраста человека, его психических характеристик.

Цветовая идентификация массового языкового сознания современного украинского социума

Л. И. Шевченко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Языковое сознание социума, колористика, масс-медийная коммуникация

Summary. The author emphasizes on the extra- and intralinguistic interdependency in the peculiarities of the colornames' perception by the modern Ukrainian society.

Зрительная рефлексия, в частности цветовая, относится к онтологическим характеристикам *homo sapiens*, равно как и другие виды рефлексии — тактильная, обонятельная, вкусовая. В процессе эволюции социального человека индивидуальное восприятие цвета в объективном мире и воображаемом пространстве обобщений, абстракций, создаваемых метафор бытия изменяется. Создается лабильная сеть корреляций личностного восприятия цвета и цвета как маркера опыта поколения / поколений, обусловленного культурно-историческими, социальными, политическими реалиями. Цветовая рефлексия человека и социума отражается в слове, идентифицирует, определяет функциональные параметры его семантики.

Характерной для массового языкового сознания (часто интерпретируемого в лингвистике в парадигме концептов) является вербализация семантики символизированных цветов, исторически соотносимых с ментальным восприятием мира этносом. К примеру, не вызывает дискуссии восприятие украинцами символизированных цветов и их синонимических вариантов: *белого* / укр. *білого* (чистоты, нравственности), *красного* / укр. *червоного* (красоты, зрелости; а также — крови, жизненных испытаний), *черного* / укр. *чорного* (скорби, утрат). С названными цветами соотносимы символы *рушника*, традиций в этнографии (одежда, обряды), они ассоциируются в фольклоре и художественной литературе с самой Украиной («Калино моя, Україно, в твоім куці я кетяг багряній, / Це сонце горить для мене» — І. Жиленко).

В пространстве культуры, если рассматривать его в диахронии, цветовое измерение массового сознания изменчиво: с одной стороны, сохраняется верность традиции (хотя и относительно модифицированной во времени), с другой стороны, — цветовая идентификация массового языкового сознания отражает новые реалии (символизация *голубого* /

укр. *блакитного* и *жовтого* / укр. *жовтого* во флаге независимой Украины).

В колористике как сегменте языкового сознания современного украинского социума наблюдаются названные выше тенденции и одновременно процессы, характерные для нового времени: конфликтность в массовом восприятии символизированной семантики цвета (*красный* / укр. *червоний* — цвет революции, победы восставших масс и одновременно — цвет террора, репрессий, личностного угнетения); актуализация цветовой семантики исторических символов и традиций (*червона китайка* — погребальное покрывало погибших в бою казаков и одновременно — знак заслуг перед обществом личности, уходящей из жизни); создание новых цветовых символов, идентифицирующих массовое сознание (*оранжевая* / укр. *помаранчева революція*, *бело-сердечная* / укр. *біло-сердечна партія*, *малиновая* / укр. *малинова партія*, *коричневые* / укр. *коричневі патріоты*); освоение и функционирование заимствованных цветовых символов различной значимости в конкретных социальных стратах (*фиолетовая* / укр. *фіолетова корова* — шоколад «Milka», *Партия зеленых* / укр. *зелених*, *Белый* / укр. *Білий дом*, группы различной сексуальной ориентации — *голубые*, *розовые* / укр. *голубі*, *рожеві* и др.).

Современные нейролингвистические технологии влияния на языковое сознание формируют психологическую среду, в которой массовое цветовое восприятие мира регулируется моделью «свой» — «чужой». Экстралингвистические и лингвистические факторы в такой модели взаимодействуют как пазлы: свой (*оранжевый*, *бело-голубой*, *зеленый* и т. д.) — целостный по набору идеологических, поведенческих, культурных и прочих характеристик; чужой — антипод с набором тех же характеристик. Язык отражает данную ситуацию, дифференцирует значения, маркирует идеологические различия (*помаранчева перемога* — *помаранчевий*

триумф — помаранчева свобода — помаранчеві ідеали — помаранчеві вожді — помаранчевий переворот — помаранчевий заколот, помаранчева зрада — помаранчева поразка — помаранчевий політичний досвід — помаранчеві уроки и др.). Масс-медийная коммуникация активно влияет на множественность восприятий символики цвета, а языковая реальность воспринимается как сигнал для коммуниканта идентифицировать себя с определенными историко-культурными, политическими и социальными общественными группами (*червоний парламентарій, зелений акти-*

віст, коричнева ідеологічна чума, жовті «пористи», малинові соціалісти и др.).

Тенденции восприятия семантики цвета в современном украинском социуме, как и в других информационно зрелых социумах, в значительной степени деперсонифицируются, отражают не только традицию, но и сознательное, регулируемое воздействие на психику человека. Человека, определяющего себя не как уникальную личность, а в значительной степени ассоциирующегося с принадлежностью к конкретной социальной среде, партии, профессиональной группе.

Концепт «святой» в русском православном сознании: на материале пословиц и поговорок

Н. В. Шестеркина

Мордовский государственный университет (Саранск, Россия)

Следы язычества, светлый, святость, ценностные константы культуры

Summary. The paper studies the national characteristics of the orthodox concept “holy” and the history of its origin on the basis of Russian proverbs and sayings.

В средневековой литературе есть немало произведений, рассказывающих о чудесах, сотворенных популярным святым. Святой живет среди людей, но в нем постоянно проявляется высшая воля, ее силой он творит чудеса. Святой общается с иным миром, он уже при жизни как бы принадлежит царству небесному. Святой имеет магические способности, которые он применяет, чтобы помогать людям облегчать их жизнь, исцелять от болезней, отвращать угрожающие им бедствия, освобождать от угнетения и притеснения. Святость — достояние христианства, сам термин — перевод с греческого *кенозис* (самоограничение, самоистощение, «самовольное мученичество»). По В. В. Колесову, в русском святом есть явные следы языческой борьбы со злыми силами, которые он видит в себе самом. Личности, воплощающие характерные качества святого, персонифицируют «общечеловеческие ценности». Но в русской традиции идеальная сущность двоится в противоположностях, поэтому возникают русские «национальные» образы, внешне противопоставленные «общечеловеческим», на деле воплощающие коренные свойства того же типа в его преувеличенных формах (*святой — юродивый*).

Нами выявлена близость в русском сознании концептов *светлый* и *святой*. Свет имеет *божественную природу*, он присущ высшим сакральным существам (Богу, Христу, Богородице, ангелам), и святым. Свет — Божья благодать, светоносность — проявление святости. Этимология слова *святой* — возрастание, цветение, плодоношение. Лексема *святой* вступала в синтагматические отношения с многими существительными: *святые небеса, святая церковь* и т. д. Святыми являются сакральные сущности духовного стиха: *Святая Богородица, Святой Дух*. Святостью отмечено все связанное с Иисусом Христом. Большинство событий духовного стиха происходит на *Святой Руси*, данности, которая была, есть и будет. Народная этимология сближает слова *святой* и *свет*, поэтому в устно-поэтической речи возможна их синонимическая замена.

События и деяния, причина почитания и канонизации святых, сохранились в текстах и легендах; но в обрядовом фольклоре и верованиях славян образы святых существенно изменились, приблизились к персонажам низшей мифологии. Многие христианские святые заменили в народном сознании языческих богов, заняв их место. К святым обращались за помощью, им давали обеты, приносили подарки; на них обижались за неисполнении просьб и наказывали, отвращая икону с изображением святого к стене, разбирая ее и т. п. Но святых почитали из боязни навлечь их гнев. Формы обращения с ними мало чем отличались от обращения с домовыми, лешими и под. Святых упоминали вместе с мифическими персонажами: молитвы к ним перемежались рецептами черной магии. Им, как и языческим божествам, в праздники приносили жертвы.

По В. Далю, *святой* — «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный»; *святое* — все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения, духовный, божественный, небесный; «Святой Дух, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную». В материале пословиц и поговорок: *Свят Бог, или: как свят Бог! божба; Будто прахом подняло. Как святым духом взято*. На Руси нередко название города заменялось именем его святого (ср. Великий Новгород — Святая София). *Святая троица* — «Высок. Обозначение Пскова». Среди людей тоже были распространены святые. По В. Далю, это — непорочный и угодный Богу первообраз человека: Св. Праотцы, Пророки, Апостолы, Святители, Св. Отцы; мученики; подвижники, скитальцы, столпники, юродивые и блаженные, великопостники; бесребренники; затворники и др. Ко многим из этих личностей в пословицах отражается иронично-недоверчивое отношение: *По бороде Авраам, а по делам Хам; У святых отцов не найдешь концов; Мертвому вечная память; дураку со святыми упокой; Свят, свят, да не искусен, приличился в ханжестве; Бес не ест, не пьет, а свят не живет* (о посте).

Номинация *святые* также — метонимический перенос с имени святого на его местоположение — иконы в древнерусском обиходе. Например: *Такой содом, что хоть святых вон неси. Хоть святых выноси* — «нет сил терпеть что-л., нестерпимо, невыносимо для окружающих». Суть поговорки в культовом убеждении, что почитание к иконе оберегает ее от созерцания непристойного, греховного или от присутствия при неприличных событиях. *Выносить святых* или хотя бы задерживать икону в углу особой занавеской — такие меры принимали верующие, чтобы святые не видели творимых людьми безобразий: пьянства, драк, домашних дрязг (Бирих). Еще примеры использования метонима *святые*: *Честь да место — Господь над нами — сидеть под святые! Тише ходи, святых не ушиби!* Не всякому разрешено находиться под образами: *Не тебе одному под святыми сидеть; Посади мужика к порогу, а он под святые лезет; Уж он под святыми лежит, умирает* (обычай обмывать и класть под образа еще заживо).

Святым зовут все заветное, дорогое, связанное с истинно, благом: *Святая святых* — «о чем-л. сокровенном, тайном, заветном, недоступном для непосвященных». Выражение из Библии, где *святая святых* означает часть иерусалимского храма, где помещались скрижали Завета, переданные Богом Моисею на горе Синай. В эту часть храма мог входить только первосвященник и лишь однажды в год (Исх. 26). *Что Бог дал, свято! Дай Бог покоя да хлеб святой! Святой угол*, где киот и иконы; *Слово свято*, нерушимо; *В день свят суety спят; Разделся как в свят день до обедни* (после обедни во многих местах праздничное платье снимают); *Что сделано, то и свято; Родство — дело святое, а торговля — дело иное; Знают и без попа,*

что воскресный день свят; Наше место свято, и свято над (под) нами! отгон нечистой силы. **Что взято, то свято**, кощунное выражение; что добыл, то мое, не отдам. Встречаем критику и иронию: **Законы святые, да законники супостаты**.

В паремиях встречаются ценностные константы русского народа, например, **Бедность — святое дело**. Диктуемые заповедями любовь к ближнему и почитание Христа как врачевателя души и тела требовали от общества заботы о тех, кто в ней нуждался (Мф.25). Бедными в Средние века считались не только бедные материально, но и кто беззащитен, бесправен, угнетен, все нуждающиеся в помощи по разным причинам. Идея любви к ближнему лежит в основе христианской этики и есть опосредованная любовь к Богу. Жития святых учили голодных — кормить, раздетых — одевать, пленных — выкупать, больных — утешать и окружать заботой, странникам — давать кров и пищу. Добрые дела во имя веры и любви к ближнему — средство искупить собственные грехи и обрести спасение души, ибо, как учил

Христос, «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и отдай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мною» (Мф.19). В паремии о бедности отражено предписание церкви о перераспределении благ, сводившемся к проповеди подаяния нищим.

В паремии **Хороша святая правда — да в люди не годится** отражается отношение к правде и истине. По Ю. С. Степанову (2004), в словах **правда** и **истина** концептуализирована своеобразная духовная ценность. Автор отсылает к отражению в словаре Даля различия **правды** и **истины** в русском общественном сознании, разъясняет, что в толковании Даля **истина** связана с земным, преходящим, **правда** — с небесным, вечным, и делает вывод, что Даль связывает «правду» с божественным нравственным законом.

Итак, по содержанию паремий с ключевым словом **своятой** можно судить, что наряду с отражением в них библейских мотивов и ценностных констант культуры, в них сформировалось иронически-насмешливое отношение к святым.

Концепты Милость и Жалость в языке русской культуры (диахронический аспект)

Э. Г. Шимчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Концепт, диахрония, древнерусский язык, «милость», «жалость»

Summary. In the report experience of a reconstruction of the basic stages of semantic history of two Old Russian words is supposed.

Слова **милость** и **жалость** можно отнести к ключевым в средневековой языковой картине мира. О значимости концептов, закрепленных этими единицами и родственными им образованиями, свидетельствует их частотность в древнерусских текстах, включенность в огромные словообразовательные гнезда, а также сложность конфигураций смыслов, которые они выражают на разных этапах истории древнерусского языка.

Формирование понятий, воплощаемых др.-русс. **милость**, **жалость** и их окружением, можно представить на основе выявления семантических истоков развития интересующих нас слов и тенденций развития многозначности важнейших единиц выделенных гнезд.

В докладе будет предложен опыт воссоздания основных этапов семантической истории др.-русс. **милость** и **жалость** (разумеется, с той степенью полноты, которая возможна при наличии достаточно фрагментарного материала).

Для семантической эволюции др.-русс. **милость** существенно, что его мотивировка — ‘доброжелательное, дружеское отношение’ (прасл.* *milostь*, согласно этимологическим словарям, — от прил. **milь*, родственного **mirь*) — была востребована для выражения одного из важнейших христианских понятий — сочувствия, милосердия, сострадания, любви к ближнему. С принятием христианства др.-русс. концепт Милость приобретает религиозно-этическое содержание. Смысловое пространство этого концепта уже на ранне-древнерусском этапе сближается с концептом, выражаемым словом **жалость**, имевшим широкий спектр на первый взгляд отчасти противоречащих друг другу осмыслений (‘страсть, нетерпение; рвение; стремление к чему-л.’, ‘негодование’, ‘печаль, скорбь’, ‘сострадание’, ‘любовь’). [**Жалость** этимологически связывают с *zaliti* ‘жалить’. Источником семантического развития слова следует считать значение ‘неприятное физическое ощущение’, на основе которого объяснимы метафорически мотивированные значения ‘беспокойство’, ‘огорчение’, ‘негодование’. Что касается значений ‘сострадание’ и ‘любовь’, то первое предполагает восприятие чужого переживания, а второе — оценку отношения к наблюдаемому или известному.]

Показательно, что и **милость**, и **жалость** могут обозначать не только духовные, но и земные, ‘реальные’ сущно-

сти (так, **милость** — это ‘милостыня, подаяние’, а также ‘плата, жалованье’, **жалость** — ‘жалоба, упрек’).

Последующая эволюция в сторону социально-правовых понятий (см., в частности, **миловати** ‘оправдывать — при судебном разбирательстве’, **милостивая грамота** ‘послание государя подданному с обещанием награды’, **милость** ‘помилование’; **жалоба**, **жалобница**, **жалобная** ‘письменное прошение, челобитная’, **жалобу чинити** ‘подавать жалобу’, **жаловальная грамота** ‘документ, закрепляющий пожалование’, **жалованная грамота** ‘документ, предоставляющий льготы’, **жалованье** ‘плата, вознаграждение за работу, службу’, **жалованье именовое, прибавочное, прихожее** и пр. ‘виды выплат по тем или иным случаям’) обнаруживает тенденцию к использованию религиозно-этических терминов для обозначения «земных» отношений. Помимо этого, **милость**, **милостивый**, **миловать** и родственное **жалости** слово (**по)жаловать** используются не только при решении разнообразных социально-правовых вопросов, возникающих в формирующемся Московском государстве, но и в тех житейских, бытовых и официальных ситуациях, когда необходимо указать на высокий статус лица в социальной или церковной иерархии или продемонстрировать положительное отношение к партнеру (отметим, что слова **милость**, **милостиво** **Божиею** употреблялись уже с XIII в. в составе русских титулов; заслуживает внимания в этой связи разговорное слово **пожалуйста**, генетически связанное с **пожаловать**, засвидетельствованное в письменности, впрочем, только в самом конце XVII в.). Высокий статус Милости определяется ее связью с сакральным миром; что касается положительной оценки, ассоциирующей со словом **пожалуйста**, то она возникает в связи с проявлением готовности сделать партнеру что-либо хорошее.

Таким образом, древнерусские концепты Милость и Жалость выявляют как духовные, умозрительные, так и конкретные, предметные сущности. При этом концепт Милость, истоки семантического наполнения которого обнаруживаются в земном мире, со временем осмысливается как атрибут Бога. Однако при этом он сохраняет тесную связь с миром и его заботами. Концепт Жалость, сформировавшийся, как можно предположить, на глазах письменной истории языка, в древнерусском языке включает представление о положительной ценностной оценке.

Dalmacija zemljo, maslinova grano (Retorika popularne hrvatske glazbe)

K. Bagić

Sveučilište u Zagrebu (Zagreb, Hrvatska)

Personifikacija, apostrofa, prozopopeja

Summary. My Dalmatian Land, my Olive Branch (The Rhetorics of the Popular Croatian Music). The paper analyses the texts of the popular Croatian music which thematize Dalmatia or some of its typical signs — the sea, a Dalmatian tavern, a seagull, the town of Split, etc. The focus will be placed on different strategies of animating the inanimate, that is, the contemporary forms of the traditional rhetorical figures of speech — apostrophe, personification and prosopopeia. The article will extract, describe and interpret the characteristic verses in which the aforementioned figures of speech are being employed as well as comment on the affective dimension of this rhetorical strategy.

Tri su retoričke figure — personifikacija, apostrofa i prozopopeja — uporišta antropomorfizacije diskurza. U iskazima u kojima se realiziraju događa se oživljavanje neživoga, apstraktnoga ili animalnoga te uprisutnjavanje odsutnoga.

Književnost, navlastito pjesništvo, obiluje primjerima zapodijevanja dijaloga s neživim ili onim što nije ljudsko. Stvarajući sugovornika tamo gdje ga realno ne može biti, pjesnik uplovljava u prostor u kojemu komunikacija nikad nije doslovna niti jednoznačna, u svijet čiji svaki stanovnik može biti oživljen ili oljuden.

Budući da je riječ o tri iznimno bliska retorička postupka, važno je istaknuti posebnost svakog od njih. Personifikacijom se naziva pridavanje ljudskih osobina, misli, osjećaja i ponašanja kakvu predmetu, stvari, pojavi, apstrakciji, biljci ili životinji. Apostrofa pretpostavlja izravno obraćanje odsutnoj ili iščezloj osobi, životinji, biljci, apstraktnom konceptu i sl. Prozopopeja je pak davanje riječi odsutnim i iščezlim osobama, životinjama, biljkama, predmetima, apstraktnim konceptima i sl.

U suvremenim diskurzivnim praksama, ekspresivni potencijal tih triju figura — uz književnost i reklamu — veoma često koriste autori tekstova popularne glazbe. U članku će biti izdvojeni i opisani reprezentativni primjeri personifikacije, apostrofe i prozopopeje kojima se mistificira Dalmacija. Tim se figurama intimizira s krajolikom, zazivaju draga bića i pojave, izriču pohvale zavičaju te se uspostavlja pasatistička komunikacija sa simbolima nikad prežaljene prošlosti. Kada se pjeva o Dalmaciji, stihovi su nerijetko formalno upućeni moru,

valima, galebu, konobi, vinu, kamenu, vjetru, Hajduku i sl. Gdjekad i koji od tih fenomena dođe do riječi. Npr.:

Dalmacija, moja ružo procvala
Dalmacija, sva od zlata i bisera
Dalmacija, pismu tebi pivam ja
Pismu o ljubavi, s juga i sjevera (Tutti Frutti)
Lipo mi je, lipo mi je
na lažini suvoj ležat
na osami blizu mora
nad pučinom tebe gledat
moj galebe. (T. Zuppa)
Rastočija si se ka barilo, leute moj
I mriža je sagnjila, leute moj
Osta si sam, napušten brod. (T. Bebić, Leute moj)

U svakom slučaju, Dalmacija u popularnoj hrvatskoj glazbi ima svoje kanonizirane zastupnike, uvriježeno znakovlje koje tematiziranoj emociji pribavlja ekspresivnost i trenutačnu prepoznatljivost. Popkulturalna retorizacija Dalmacije zasniva se na stalnom variranju postojećih i povremenom stvaranju novih izričajnih stereotipa.

Članak će izdvojiti uporišne postupke i miteme popkulturnog oživljavanja Dalmacije u zadnjih četrdesetak godina, upozoriti na frazeologizirane figurativne konstrukcije, opisati funkcionalnost i učinke triju figura te pokušati uočiti utjecaj jezika popularne glazbe na razgovorni jezik, jezik medija i reklamne diskurze.